

НОВЫЙ ПЕРЕВОД

ДЖОН

СТЕЙНБЕК

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

*ЗИМА
ТРЕВОГИ НАШЕЙ*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ КЛАССИКА (АСТ)

Джон Эрнст Стейнбек

Зима тревоги нашей

«Издательство АСТ»

1961

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стейнбек Д.

Зима тревоги нашей / Д. Стейнбек — «Издательство АСТ»,
1961 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-098381-0

«Зима тревоги нашей» (1961) – последний роман Стейнбека, невероятно современный и актуальный, хотя действие его происходит в 60-е годы в Новой Англии, в вымышленном небольшом городке. Главный герой, Итан Аллен Хоули, потомок некогда очень богатой семьи, ветеран Второй мировой войны, человек образованный, порядочный и честный, оказывается в затруднительном положении. Он вынужден работать продавцом в бакалейной лавке. Итану, привыкшему к совершенно другой жизни, непросто смириться с таким падением. Тогда он идет на сделку с совестью, чтобы обрести прежний статус и положение. Однако нечестные махинации, вернувшие герою богатство, не делают его счастливым. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-098381-0

© Стейнбек Д., 1961
© Издательство АСТ, 1961

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Джон Стейнбек

Зима тревоги нашей

John Steinbeck

THE WINTER OF OUR DISCONTENT

Печатается с разрешения The Estate of Elaine A. Steinbeck и литературных агентств McIntosh and Otis, Inc. и Andrew Nurnberg.

© John Steinbeck, 1961

© Copyright renewed Elaine Steinbeck, Thom Steinbeck, and John Steinbeck IV, 1989

© Школа перевода В. Баканова, 2016

© Перевод. Д. Целовальникова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Посвящается моей сестре Бет, чей свет сияет ярко.

Читателям, которые попытаются угадать прототипов моих героев и определить место действия, советую оглянуться вокруг и посмотреть на самих себя, поскольку в своей книге я по большей части писал о современной Америке.

Часть 1

Глава 1

Солнечным апрельским утром Мэри Хоули открыла глаза, перевернулась на другой бок и обнаружила, что ее муж сунул мизинцы в рот, растянул щеки и изображает лягушку.

– Ты смешной! – сказала она. – Итан, ты прирожденный комик.

– Мисс Мышка, выходи-ка за меня замуж!

– Дурачишься с утра пораньше?

– И год рад весне! И день утру рад!¹

– Значит, дурачишься. Помнишь, что сегодня Великая Пятница?

– Гнусные римляне строятся, чтобы идти на Голгофу.

– Не богохульствуй! Марулло разрешит тебе закрыться в одиннадцать?

– Моя цыпоська-краса, Марулло – католик и итальяшка-иммигрант. Вряд ли он вообще сегодня явится. Закрою в полдень и не открою, пока не кончится казнь.

– Рассуждаешь как пилигрим. Нехорошо так говорить!

– Чепуха, букашечка! Это у меня от предков со стороны матери. Так говорят настоящие пираты. И, между прочим, казнь действительно была.

– Какие еще пираты? Ты же говорил, они были китобоями, со специальными грамотами от Континентального конгресса, уж не знаю, как они там называются.

– Зато на кораблях, которые они обстреливали, их считали пиратами. А те римские солдаты считали, что это была казнь.

– Ну вот, теперь ты злишься. Мне больше нравится, когда ты дурачишься.

– Я всегда дурачусь. У кого хочешь спроси!

– Вечно ты мне голову морочишь! Тебе есть чем гордиться: в одной семье и отцы-пилигримы, и капитаны-китобои.

– А им-то гордиться и нечем.

– Почему?

– Разве стали бы мои предки гордиться, узнав, что породили чертова бакалейщика для чертова хозяина-итальяшки в городе, который когда-то принадлежал им целиком?

– Никакой ты не бакалейщик. Скорее управляющий – ведешь бухгалтерию, относишь деньги в банк и заказываешь товар.

– Само собой. Еще я подметаю, выношу мусор и хожу перед Марулло на задних лапах, а будь я чертовым котом, то и мышей бы для него ловил.

Мэри обвила мужа руками.

– Лучше давай дурачиться, – сказала она. – Прошу, не сквернословь в Великую Пятницу! Я тебя люблю.

– Ладно, – немного погодя ответил он. – Все вы, женщины, так говорите. Только не думай, что поэтому тебе можно валяться в чем мать родила в постели женатого мужчины!

– Хотела поговорить с тобой о детях.

– Они в кутузке?

– Ну вот, опять дурачишься. Пусть они сами скажут.

– Почему бы тебе...

– Сегодня Марджи Янг-Хант мне снова погадает.

¹ Роберт Браунинг. Песенка Пиппы. Перевод С. Шестакова.

– Она гадает на бобах? Кто эта Марджи Янг-Хант? И чем она всех пастушков пленила?²
– Хорошо, что я не ревнива! Говорят, если мужчина нарочито не замечает красивую девушку...

– Ничего себе девушка! Два брака за плечами.

– Ее второй муж умер.

– Завтракать пора. Ты веришь в эту ерунду?

– Ну, про брата карты сказали правду. Помнишь: кто-то из родных и близких?

– А кто-то из моих родных и близких получит хорошего пинка, если не возьмет курс на кухню...

– Уже бегу! Как насчет яичницы?

– Пожалуй, пойдет. Кстати, почему именно Великая Пятница? Что в ней великого?

– Ах, Итан! – вздохнула она. – Все бы тебе шутить!

Кофе сварился, на тарелке лежали яичница и гренки. Итан Аллен Хоули проскользнул в уголок возле кухонного окна.

– Чувствую себя великолепно, – заметил он. – Почему эту пятницу называют Великой?

– Весна, – пояснила она, стоя у плиты.

– Весенняя Пятница?

– Весеннее обострение. Дети уже встали?

– Вряд ли. Маленькие дармоеды. Давай растолкаем их и выпорем!

– Ну и шуточки у тебя! Обедать придешь?

– Нет.

– Почему?

– Женщины. Вожу их тайком с двенадцати до трех. Может, и твою Марджи позову.

– Не смей так шутить, Итан! Марджи – настоящая подруга! Она последнюю рубашку с себя снимет!

– Неужели? Откуда у нее рубашка?

– Опять ты говоришь как пилигрим.

– Спорим, мы с ней в родстве? В ней тоже течет кровь пиратов.

– Опять ты валяешь дурака! Вот список продуктов. – Она сунула ему в нагрудный карман листок. – Вышло много, но ведь Пасха все-таки! И не забудь про яйца – две дюжины, запомни. Ты уже опаздываешь!

– Знаю. И Марулло обеднеет на пару грошовых покупок. Зачем нам столько яиц?

– Будем красить. Аллен и Мэри-Эллен очень просили. Тебе пора!

– Как скажешь, мой жучиный цветочек! Можно я сначала сбегая наверх и намну бока Аллену и Мэри-Эллен?

– Итан, ты избаловал их до безобразия! Сам знаешь.

– Прощай, корабль! В добрый путь!³ – объявил он, захлопнул за собой дверь из проволочной сетки и вышел в золотисто-зеленое утро.

Итан оглянулся на красивый старинный дом, в котором жили его отцы и деды: обшитый досками, выкрашенными белой краской, над парадной дверью арочное окно, повсюду элементы декора в духе братьев Адамов, на крыше смотровая площадка – так называемый вдовый мостик. Дом стоял в глубине зеленеющего сада среди столетних сиреней, чьи стволы в обхвате достигали туловища взрослого человека, а ветки покрылись набухшими почками. Старые вязы на Вязовой улице ничуть не уступали им по высоте и тоже выпустили первые листочки, окрасившись желтой дымкой. Выглянувшее солнце осветило здание банка и засверкало на серебряном резервуаре для бензина, от старой бухты пахло бурими водорослями и солью.

² У. Шекспир. Два веронца. Акт 4, сцена 2. Перевод В. Левика.

³ Генри Уодсворт Лонгфелло. «Постройка корабля».

Единственный прохожий на Вязовой улице – ирландский сеттер мистера Бейкера, он же банкиров пес, он же Рыжий Бейкер – с достоинством прохаживался вдоль деревьев, иногда обнюхивая пахучие метки ранее отметившихся на стволах псов.

– С добрым утром, сэр. Меня зовут Итан Аллен Хоули. Мы с вами как-то отливали на пару, помните?

Рыжий Бейкер остановился и ответил на приветствие, не спеша махнув пушистым хвостом.

– Я вот смотрел сейчас на свой дом, – поделился Итан. – Умели тогда строить, ничего не скажешь.

Рыжий склонил голову набок и небрежно почесал ребра задней лапой.

– Да почему бы и не строить? Денег-то хватало. Китовый жир с семи морей и спермацет. Знаете, что такое спермацет?

Рыжий вздохнул с подвыванием.

– Вижу, что не знаете. Это светлый, приятно пахнущий жир из головы кашалота. Пес, мой вам совет: прочтите «Моби Дика»!

Сеттер задрал ногу возле чугунного столбика на обочине. Итан обернулся через плечо и бросил:

– Заодно подготовьте анализ книги. Может, сына моего поучите. Он понятия не имеет, как пишется слово «спермацет», да и с остальными словами у него неважно.

В двух кварталах от старого дома Итана Аллена Хоули Вязовая улица поворачивает и упирается в Главную улицу. Посреди первого квартала на зазеленевшем газоне у дома Эдгаров ватага воробьев устроила драку. Разошлись они не на шутку: яростно кидались друг на друга, шумно чирикали, клевались, норовя попасть в глаз, и не заметили, как подошел Итан.

– Птички в гнездышках дружны, – проговорил он, остановившись, чтобы полюбоваться битвой. – Почему не дружим мы?.. Бред сивой кобылы! Вы, ребята, не можете поладить даже в такое прелестное утро. Зря с вами так носился святой Франциск! Кыш-ш! – Итан бросился к воробьям, размахивая руками, и они шумно вспорхнули, горько сетуя скрипучими голосами. – Вот что я вам скажу, – заметил он им вслед. – В полдень солнце померкнет, на землю упадет тьма, и вы устраситесь.

Старинный дом Филипсов во втором квартале переделали в пансион. Джои Морфи, кассир в Первом национальном банке, вышел на улицу, поковырялся в зубах, оправил клетчатый жилет, поздоровался с Итаном и сказал:

– Как раз собирался к вам заглянуть, мистер Хоули.

– Почему все-таки Великая Пятница?

– От латинского великус-великилиус-великум. Переводится как паршивый.

Джои смахивал на лошадь – и как лошадь улыбался, поднимая верхнюю губу и обнажая большие квадратные зубы. Джозеф Патрик Морфи, Джои Морфи, старина Джои, Морф прожил в Нью-Бэйтауне всего несколько лет, но при этом пользовался бешеной популярностью. Морф-Балагур рассказывал свои побасенки с каменным лицом игрока в покер, зато над чужими смеялся до упаду – неважно, слышал он их раньше или нет. Морф-Знаток был осведомлен обо всем и обо всех (от мафии до династии Маунтбэттенов), однако информацию выдавал таким тоном, что она воспринималась скорее как вопрос. В результате собеседник считал его не зазнайкой, а товарищем и при случае выдавал его слова за свои. Морф был тот еще черт: неимоверно азартный – впрочем, никто ни разу не видел его за игрой, – хороший бухгалтер и отличный банковский кассир. Мистер Бейкер, президент Первого национального, доверял ему настолько, что Джои выполнял в банке большую часть работы. Морф со всеми был в приятельских отношениях и при этом ни к кому не обращался по имени. Итана он называл мистером Хоули, а Марджи Янг-Хант – миссис Янг-Хант, хотя ходили слухи, что он с ней спит. У него не было ни семьи, ни другой родни, жил он один в двухкомнатной квартире с ванной в старом

доме Филиппа, а питался в основном в ресторане «Формачтер». Бейкер и страховая компания сочли его послужной список безупречным, однако была у брата Джои манера рассказывать свои байки так, будто они происходили вовсе не с его знакомыми, а с ним самим. Похоже, парень прошел огонь и воду. Подобная скромность снискала ему еще больше приятелей. Ногти Джои держал в чистоте, одевался дорого и модно, рубашки менял регулярно, ботинки его всегда сияли.

Мужчины вместе направились в сторону Главной улицы.

– Давно хотел спросить: адмирал Хоули вам не родственник?

– Может, адмирал Холси? – уточнил Итан. – У меня в роду было много капитанов, но об адмирале я не слыхал.

– Вроде ваш прадед был капитаном китобойного судна? Похоже, я спутал капитана с адмиралом.

– В нашем городке полно легенд, – кивнул Итан. – Говорят, мои предки со стороны отца занимались пиратством, а со стороны матери – прибыли в Америку на борту «Мэйфлауэра».

– Итан Аллен⁴, – протянул Джои. – Господи, неужели он тоже ваш предок?

– Возможно. Скорее всего – да, – ответил Итан. – Ну и денек сегодня – лучше не бывает! Так о чем вы хотели поговорить?

– Денек чудный. Вроде как с полудня до трех у вас перерыв? Сделайте-ка мне пару сэндвичей к половине двенадцатого. Забегу за ними сам. И бутылочку молока приготовьте.

– Банк закроется?

– Банк – да, а я нет. Старина Джои будет на своем месте, прикованный к бухгалтерским книгам. Перед долгими праздниками все кому не лень бегут обналичивать чеки.

– Никогда об этом не задумывался, – признался Итан.

– Еще бы. Пасха, День памяти, Четвертое июля, День труда – любые длинные выходные. Приди мне в голову ограбить банк – непременно сделал бы это перед большим праздником. Денежек полно, приходи да бери.

– Джои, а вас когда-нибудь грабили?

– Нет. Зато мой друг пережил ограбление дважды.

– И что рассказывает?

– Он здорово испугался. Делал все, что было велено. Лег на пол и не геройствовал. Сказал, что в отличие от него деньги-то застрахованы куда лучше.

– Я принесу вам сэндвичи в свой перерыв. Постучу в заднюю дверь. Какие вам сделать?

– Не утруждайтесь, мистер Хоули, я сам забегу – через проулок до вас пара шагов. Ветчина, сыр, ржаной хлеб и майонез, да еще молочка или колы бутылочку возьму, на потом.

– Есть неплохая салями – Марулло расстарался.

– Нет, спасибо. Как поживает наш мафиози-одиночка?

– Вроде ничего.

– При всей нелюбви к макаронникам скажу, что малый, умудрившийся сколотить состояние буквально из ничего – начинал-то он с ручной тележки, – вызывает заслуженное восхищение. Ловкий парень. Никому и не снится, сколько у него припрятано на черный день. Вероятно, мне не следовало об этом говорить. Все-таки я банковский служащий.

– Да вы ничего и не сказали.

Они подошли к углу Вязовой улицы и Главной. Возле груды розовых кирпичей, что раньше была старым отелем «Бухта», они невольно остановились и посмотрели на место, где

⁴ Итан Аллен (1738–1889) – герой Войны за независимость США. В 1778 году был обвинен в государственной измене за попытку переговоров с Канадой о признании штата Вермонт британской территорией. Итан Аллен Хоули отмечает, что его предки Хоули «спутались» с вермонтскими Алленами.

вскоре вырастет новый супермаркет «Вулворт». Ранним утром желтый бульдозер и кран с ядром затаились, будто хищники в ожидании добычи.

– Всегда мечтал поработать на этой штуке, – заметил Джои. – Представляю, как клево было бы размахнуться стальным шаром и смотреть, как рушится стена!

– Я вполне насмотрелся на это во Франции, – сказал Итан.

– Ну конечно! Ваше имя выгравировано на памятнике в гавани.

– Налетчиков, что ограбили банк вашего знакомого, поймали? – Итан нисколько не сомневался, что речь шла о самом Джои. Так решил бы любой.

– Еще бы! Переловили, как мышей. К счастью, грабители банков умом не блещут. Возьмись старина Джои написать книгу о том, как обнести банк, копы остались бы с носом.

Итан расхохотался:

– И как их обмануть?

– Есть у меня отличный источник информации, мистер Хоули: я читаю газеты. Вдобавок знал я одного копа. Не угодно ли прослушать лекцию за пару долларов?

– Сократите ее до семидесяти пяти центов – мне пора открывать магазин.

– Леди и джентльмены, – начал Джои. – Мы собрались этим утром... Нет, не так, постойте! Почему попадают грабители банков? Во-первых, наличие предыдущих приводов и судимостей. Во-вторых, дележ добычи – всегда найдется недовольный, который сольет остальных копам. В-третьих, бабы. Куда же без них! И в результате – номер четыре: они начинают швыряться деньгами. Полиция пасет транжир, и оп-ля!

– В чем суть вашего метода, сэр профессор?

– Метод прост как два пальца об асфальт. Делать все наоборот! Не грабить банк, если у вас были приводы. Никаких подельников – сделайте все сами и молчок. Забудьте про баб. Не тратьте ни пенса. Спрячьте все в кубышку на несколько лет. Потом, дождавшись подходящего предлога, доставайте понемногу и вкладывайте. Надо именно вкладывать, а не тратить.

– Вдруг грабителя опознают свидетели?

– Будет в маске и не скажет ни слова – его мама родная не опознает. Вам приходилось читать описания преступников свидетелями? Мой друг коп говорит, что иногда его ставят среди подозреваемых на опознании и свидетели частенько указывают на него. Клянутся и божатся, что преступление совершил именно он... Гоните ваши семьдесят пять центов!

Итан сунул руку в карман:

– За мной должок.

– Возьму сэндвичами, – заявил Джои.

Они пересекли Главную улицу и свернули в узкий переулок между домами. Джои вошел в заднюю дверь Первого национального, Итан отпер дверь магазинчика «Фрукты и деликатесы от Марулло» на противоположной стороне.

– Ветчина и сыр? – прокричал он.

– На ржаном хлебе, плюс салат и майонез.

Через пыльное зарешеченное окошко в кладовую сочился серый свет. Итан замер на пороге: полки от пола до потолка, внизу картонные и деревянные ящики с консервированными фруктами, овощами, рыбой, мясопродуктами и сыром. Он принялся и вдохнул характерные ароматы муки, фасоли и гороха, бумажно-чернильные нотки коробок с хлопьями, густой кисловатый амбре сыров и колбас, душок ветчины и бекона, легкое зловоние свекольной ботвы, капустных и салатных обрезков, доносящееся из серебристых мусорных баков возле заднего входа. Затхлого запаха мышей он так и не уловил, распахнул дверь и выкатил баки в проулок. Серый кот ринулся ему наперерез, но Итан его прогнал.

– Даже не мечтай, – заявил он коту. – Кошачья еда – мыши и крысы, хотя ты, кот-ворюга, предпочитаешь колбасу. Прочь! Я же сказал – прочь! – Серый кот спокойно облизывал розовую подушечку лапы, но, услышав второе «прочь», бросился удирать со всех ног, взлетел на

дощатый забор позади банка – и был таков. – Слово-то волшебное, – задумчиво произнес Итан, вернулся в кладовую и закрыл за собой дверь.

Проходя по пыльной кладовой к створчатой двери в магазин, он услышал доносившийся из туалета шепот воды. Итан открыл фанерную дверь, включил свет и спустил воду. Затем распахнул стеклянную дверь с проволоочной сеткой и надежно зафиксировал ее деревянным брусом, который подвинул ногой.

Из-за опущенных штор в магазинчике царил зеленый полумрак. Снова полки от пола до потолка, аккуратно уставленные консервами в сверкающей жестяной и стеклянной таре, – настоящая библиотека для желудка. С одной стороны – прилавок, кассовый аппарат, бумажные пакеты, упаковочная бечевка и – главный предмет гордости – из нержавеющей стали с белой эмалью холодильный шкаф с компрессором, бормочущим что-то самому себе. Итан щелкнул выключателем, и голубоватый неоновый свет залил мясные нарезки, сыры, колбасы, котлеты, бифштексы и рыбу. Рассеянный свет, наводнивший помещение, напомнил Итану собор в Шар-тре. Он помедлил, любясь органами трубами из банок с томатной пастой, часовнями из горчицы и оливок, сотнями овальных гробниц для сардин.

– Единум и единокус, – гундосо протянул Итан, подстраиваясь под манеру исполнения литаний. – Един единомышлус, что единожукус, все единус, Господи... амиининь! – пропел он.

Итан так и слышал комментарий жены: «Что за глупости! Ты можешь оскорбить чувства верующих. Нельзя так поступать с людьми, Итан!»

Продавец в бакалейной лавке – в лавке Марулло, – муж и отец двух очаровательных деток. Когда ему побыть одному? Днем занят с покупателями, вечером – с женой и детишками.

– В туалете – где же еще?! – громко объявил Итан. – Причем прямо сейчас, пока я не открыл шлюзы. О! Мускусно-тускло, пахуче-текуче, натужно и звучно праздное время в уборной течет! Ну, и чьи чувства я задел, моя сахарная ножка? – обратился он к жене. – Здесь нет никого-никогошеньки. Только я и мои единум-единокус, пока... пока я не отопру чертову входную дверь!

Из ящика рядом с кассой он достал чистый фартук, развернул его, расправил тесемки, обернул вокруг туловища, завязал тесемки впереди, потом отвел длинные концы назад и затянул на бантик.

Фартук был длинный, почти до середины голени. Итан поднял правую руку, сложил пальцы в пригоршню, ладонью вперед, и объявил:

– Внимайте мне, консервированные груши, маринованные огурчики и пикули в острой заливке! «И как настал день, собрались старейшины народа, первосвященники и книжники, и ввели Его в свой синедрион...»⁵ Заметьте, и как настал день. Эти мерзавцы вставали рано и времени зря не теряли. Ну-ка, что там дальше? «Было же около шестого часа дня», по-нашему, полдень, «и сделалась тьма по всей земле до часа девятого, и померкло солнце». Как видите, я прекрасно все помню. Боже милосердный, до чего он долго умирал, я бы даже сказал – невыносимо долго! – Итан уронил руку и задумчиво оглядел уставленные консервами полки, будто ждал от них ответа. – Теперь ты молчишь, Мария, моя пышечка. Ты ведь дочь иерусалимская? «Не плачьте обо Мне, – сказал Он. – Но плачьте о себе и о детях ваших... Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?» До сих пор сердце разрывается! Тетушка Дебора обработала меня на славу. Шестой час еще не наступил...

Он поднял зеленые шторы на больших окнах и сказал:

– День, войди!

Он отпер входную дверь.

– Мир, входи!

⁵ «И как настал день...». Лука. 22:66–23:45.

Он распахнул забранные железными прутьями двери и закрепил их в открытом положении. Утреннее солнце нежно ласкало тротуар, как и должно быть в апреле, ведь оно только что встало аккуратно там, где Главная улица упиралась в бухту. Итан сходил в туалет за метлой – пора было подметать перед магазином.

День, бесконечный день вовсе не однороден. По мере продвижения солнца по небу меняется не только освещенность, преобразуются фактура и эмоциональный фон, форма и смысл; день деформируется под действием тысячи факторов вроде времени года, жары или холода, полного штиля или нескольких ветров, дующих одновременно; его корежит от запахов и вкусов, текстуры льда или травы, набухших почек, распустившихся листьев или голых безжизненных ветвей. Вместе с днем меняются и его подданные – насекомые и птицы, кошки и собаки, бабочки и люди.

Тихий, сумрачный и сокровенный день Итана Аллена Хоули закончился. Человек, ритмично подметавший тротуар, был уже не тем, кто мог читать проповеди консервам, или распевать литании, или дурачиться в уборной. Он сгреб окурки и обертки от жвачки, шелуху от распустившихся почек и обычную уличную пыль и передвинул кучку мусора к водосточной канаве, где его потом заберут рабочие на серебристом грузовике.

Мистер Бейкер с достоинством следовал от своего дома на Кленовой улице к красной кирпичной базилике, в которой располагался Первый национальный. Ну и что, если шаги его были разной длины, вряд ли кто-нибудь был в курсе его детской привычки аккуратно перешагивать через трещины в асфальте, чтобы не сломать спину своей матери?⁶

– Доброе утро, мистер Бейкер, – поздоровался Итан и перестал махать метлой, чтобы не запылить наглаженные саржевые брюки банкира.

– Здравствуй, Итан. Прекрасное утро!

– Весна пришла, мистер Бейкер. Сурок снова не ошибся.

– Ну да, ну да. – Бейкер помолчал. – Итан, я хочу с тобой потолковать. По завещанию брата твоя жена получила тысяч пять, верно?

– Шесть с половиной после уплаты налогов, – кивнул Итан.

– Они просто лежат в банке. Нужно их куда-нибудь вложить. Об этом я и хочу с тобой потолковать. Денежки должны работать!

– На шести с половиной тысячах много не заработаешь, сэр. Они лежат себе и ждут крайнего случая.

– Итан, деньги не должны лежать мертвым грузом!

– Да как вам сказать, сэр. Помните? «И даже тот, кто лишь стоит и ждёт...»⁷.

Голос банкира резко похолодел.

– Не понял. – Судя по его тону, Бейкер прекрасно все понял и счел Итана дураком. Тот обиделся, и обида породила ложь.

Метла выписала по тротуару изящную дугу.

– Видите ли, в чем дело, сэр... Эти деньги – гарантия благополучия Мэри, если со мной что-нибудь случится.

– Тогда тебе следует застраховать свою жизнь на часть суммы.

– Однако это мера временная, сэр. Деньги достались Мэри в наследство от брата. Ее мать пока жива. И прожить она может еще много лет.

– Понимаю. Иногда старики становятся обузой.

– А иные еще и сидят на своих деньгах. – Выдав эту ложь, Итан бросил взгляд на банкира, который начал медленно наливать краской. – Видите ли, сэр, вложив деньги Мэри, я могу потерять их точно так же, как некогда свои, и прогорю, как в свое время мой отец.

⁶ В США есть детское суеверие: на трещину в асфальте наступаешь – мамину спину ломаешь.

⁷ Последняя строфа сонета Джона Мильтона «О своей слепоте». Перевод С. Шестакова.

– Так то дела давно минувших дней, Итан! Да, ты здорово прогорел, но времена меняются, возникают новые перспективы.

– Перспектив у меня было предостаточно, мистер Бейкер, лучше бы я обладал толикой здравого смысла. Не забывайте, что после войны магазин принадлежал мне. Полквартала недвижимости продал, чтобы купить для него товаров. На том все и кончилось.

– Знаю, Итан. Я ведь твой банкир. И дела твои знаю не хуже, чем доктор – пульс своего пациента.

– Еще бы. Мне хватило пары лет, чтобы обанкротиться. Для расплаты с долгами пришлось продать все, кроме дома.

– Не так уж ты и виноват. Только из армии вернулся, опыта в бизнесе никакого. К тому же тебя угораздило открыть свое дело аккурат в кризис, хотя мы и называли его временным спадом в экономике. На мели оказались коммерсанты и поопытней тебя.

– А уж на какую мель сел я... Впервые в истории Хоули стал продавцом в бакалейной лавке у макаронника!

– Объясни мне вот что, Итан. Разориться может каждый. Вопрос в том, почему человек с таким происхождением, образованием, к тому же обремененный семьей, позволяет себе оставаться на мели и дальше? Неужели у тебя кишка тонка? Что тебя выбило из колеи настолько, что вернуться в нее ты уже не в силах?

Итан едва не разразился гневной тирадой вроде «Вам не понять, ведь вы так никогда не влипали», но вместо этого смел обертки от жвачек и окурки в аккуратную пирамидку и подвинул ее к сточной канаве.

– Дело не в том, что не можешь вернуться в колею, точнее не только в этом. Просто падаешь духом и отчаиваешься. Приходит страх. Мне очень страшно. Энергетическая компания Лонг-Айленда может отрезать свет. Жене нужна одежда, детишкам – обувь и развлечения. Вдруг я не смогу дать им образование? Плюс ежемесячные счета, плюс доктора, плюс зубы и удаление миндалин... Что будет с ними, если я заболею и не смогу подметать чертов тротуар? Вам не понять. Происходит это не сразу. Гниль разъедает тебя изнутри. Дальше следующей ежемесячной выплаты за холодильник мысли не идут. Свою работу я ненавижу и в то же время боюсь ее потерять. Разве вам меня понять?

– Как насчет матери Мэри?

– Я вам уже говорил. Она сидит на деньгах. На них же и умрет.

– Не знал. Я думал, Мэри из бедной семьи. Зато я знаю вот что: если ты болен, прими лекарство, ляг на операцию или устрой себе встряску. Наши предки были людьми отчаянными. Они не дали бы растащить себя по кускам. Впрочем, времена меняются. Сейчас есть перспективы, о которых наши отцы и деды даже не мечтали. А пользуются ими иностранцы. Того и гляди захватят всю Америку. Итан, проснись!

– А как же холодильник?

– Бог с ним, с холодильником!

– А как же Мэри и дети?

– Забудь про них на время! Если выберешься из ямы, они будут любить тебя куда больше.

Переживаниями о семье добра не наживешь.

– А как быть с деньгами Мэри?

– Лучше рискнуть и потерять, чем не рисковать вообще! При должной осторожности и хорошем совете ничего ты не потеряешь. Риск не означает проигрыш. Наши предки всегда шли на осознанный риск и выигрывали. Вот что я скажу, Итан. Ты позоришь память старины шкипера Хоули! Он вместе с моим отцом владел «Красавицей Адэйр» – новейшим и чуть ли не лучшим китобойным судном уходящей эпохи. Хватит сопли жевать! Ты обязан постараться хотя бы ради «Красавицы Адэйр»! К черту финансовую компанию и ежемесячные взносы!

Итан осторожно загнал кончиком метлы упорно не желающий подчиняться кусок целлофана в канаву и мягко напомнил:

– Сэр, «Красавица Адэйр» сгорела до самой ватерлинии.

– Знаю, что сгорела, но разве нас это остановило? Вовсе нет.

– Судно было застраховано.

– Разумеется!

– А я не был. Спас только дом, остальное потерял.

– Забудь! Хватит предаваться размышлениям о прошлом. Наберись мужества и дерзости!

Я не зря завел речь о том, что ты должен вложить в дело деньги Мэри. Итан, я ведь пытаюсь тебе помочь!

– Спасибо, сэр.

– От этого фартука мы тебя избавим. Хотя бы ради памяти шкипера Хоули. Он бы глазам своим не поверил!

– Это уж точно.

– Так держать, Итан! От фартука мы тебя избавим.

– Если бы не Мэри и дети...

– Забудь о них, ради их же блага! В Нью-Бэйтауне назревает кое-что интересное, и ты можешь присоединиться к процессу.

– Спасибо, сэр.

– Сперва мне нужно все обдумать.

– Мистер Морфи говорит, что останется работать, когда вы закроетесь в полдень. Я обещал сделать ему пару сэндвичей. Хотите, и вам принесу?

– Нет, не стоит. Я оставляю Джои за старшего. Парень он толковый. Мне нужно выяснить про кое-какую недвижимость. Наведаюсь в канцелярию округа. С двенадцати до трех там открыто только для своих. Вероятно, смогу и для тебя что-нибудь разузнать. Скоро поговорим. До встречи!

Мистер Бейкер широко шагнул, чтобы не наступить на трещину в асфальте, пересек проулок и вошел в Первый национальный с главного входа. Итан улыбнулся ему вслед.

Вскоре подметать он закончил, потому что идущие на работу люди хлынули рекой. Он вынес на улицу стойки со свежими фруктами и разместил возле входа. Убедившись, что поблизости никого нет, он вынул три поставленных друг на друга банки собачьего корма и извлек маленький невзрачный мешочек с наличными, вернул консервы на место, разблокировал кассовый аппарат, разложил двадцатки, десятки, пятерки и однодолларовые банкноты в соответствующие отделения, прижав их специальными крепежами. В передней части выдвижного ящика он рассортировал монетки в пятьдесят, двадцать пять, десять, пять и один цент, затем захлопнул кассу. Покупателей было немного, в основном маленькие девочки с всклокоченными со сна волосами, которых родители послали кого за хлебом, кого за молоком, кого за кофе.

Пришла Марджи Янг-Хант в обтягивающем бюст свитерке цвета лосося. Твидовая юбка нежно липла к бедрам, подчеркивая выдающуюся попку, однако именно в карих близоруких глазах Марджи сияло то, что жена Итана не смогла бы разглядеть никогда, потому что в присутствии жен этого там не бывает и в помине. Чуть дело касалось мужчин, Марджи превращалась в хищника, охотницу, Артемиду⁸. Старый Шкипер Хоули называл такой взгляд блудливым. Специально для жен бархатный голос с хрипотцой смягчался и становился чуть тоньше.

– Доброе утречко, Ит! Чудный денек для пикника, да?

– Доброе. Спорим, у тебя кончился кофе?

– Догадайся ты, что у меня кончился алка-зельцер, и я стала бы от тебя шараться.

⁸ Артемиды – в греческой мифологии богиня охоты.

– Веселая выдалась ночка?

– Скорее нескудная. Залетный торговый агент – мечта любой разведенки. Чемоданчик с бесплатными образцами. Пожалуй, ты назвал бы его торговым агентом. Зовут то ли Биггер, то ли Боггер, от компании «Би-Би-Ди-энд-Ди». К чему я веду? Он сказал, что хочет к тебе заглянуть.

– Мы-то закупаемся у компании «Вэйландс».

– Ну, если он чувствует себя с утра получше, чем я, то мистер Докука уже вовсю ищет новых клиентов. Слушай, притащи мне водички! Хочу принять пару шипучек прямо сейчас.

Итан сходил в кладовую и налил в картонный стаканчик воды из-под крана. Марджи бросила в него три плоских таблетки и подождала, пока они растворятся.

– Ну, будем здоровы! – воскликнула она и выпила залпом. – Работайте, черти вы эдакие!

– Я слышал, ты собралась сегодня погадать Мэри.

– О господи! Чуть не забыла... Пора открывать свое дело. Мигом озолочусь.

– Мэри в восторге. Ты и правда умеешь предсказывать будущее?

– Да чего там предсказывать! Даешь людям, точнее женщинам, выговориться, а потом повторяешь услышанное, и они думают, что у тебя дар ясновидения.

– Плюс высокие брюнеты?

– Куда же без них. Разбирайся я в мужчинах хоть чуть, разве я стала бы связываться с всякими сомнительными типами? Пару раз я лопухнулась по-крупному.

– Вроде твой первый муж умер?

– Нет, второй, гореть ему... А, ладно! Мир его праху.

Итан почтительно поздоровался с престарелой миссис Изински, долго взвешивал четверть фунта масла и даже лестно отозвался о погоде. Марджи Янг-Хант улыбалась и не думала уходить, не спеша разглядывала баночки фуа-гра с золотистыми наклейками и крошечные, как футляры для драгоценностей, баночки с черной икрой, стоявшие позади кассового аппарата.

– Так вот, – сказала Марджи, дождавшись, пока старушка уйдет, бормоча себе под нос по-польски.

– Так что?

– Я тут подумала: знай я мужчин, как знаю женщин, я могла бы открыть свое дело. Почему бы тебе не просветить меня, Итан?

– Ты и сама знаешь о них предостаточно. Может, даже слишком много.

– Ладно тебе! Где твое чувство юмора?

– Начнем прямо сейчас?

– Лучше как-нибудь вечером.

– Отлично, – сказал он. – Предлагаю групповые занятия. Мэри, наши дети и ты. Тема: мужчины и их слабости, руководство по эксплуатации.

Марджи не обратила на его язвительность ни малейшего внимания.

– Ты когда-нибудь работаешь допоздна – ну, подбиваешь счета к первому числу или еще что?

– Конечно. Только работу я беру домой.

Марджи подняла руки над головой и запустила пальцы в волосы.

– Почему? – спросила она.

– Потому что кончается на «у».

– Видишь, как многому ты можешь меня научить!

– И когда надсмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, и одели Его в одежды Его, и повели Его на распятие. Выходя, они встретили одного Киринеянина, по имени Симона;

сего заставили нести крест Его. И, придя на место, называемое Голгофа, что значит: Лобное место⁹...

– Итан, Бога ради!

– Да-да, именно так.

– Ты знаешь, что ты чертов сукин сын?

– О да, дочь Иерусалимская.

Неожиданно она улыбнулась.

– Знаешь, что я сделаю? Я тебе такое предсказание устрою, что не порадуешься. Ты станешь большой шишкой, Итан. Все, к чему ты прикоснешься, обратится в золото, предводитель человечества! – Она быстро ретировалась к двери, на пороге помедлила и усмехнулась: – Слабó оправдать такие ожидания, Итан? До скорого, Спаситель!

До чего странно и яростно стучат по асфальту каблучки отвергнутой женщины.

После десяти все изменилось. Огромные стеклянные двери банка распахнулись, и в них ринулся поток клиентов за деньгами, которые они затем понесли к Марулло – закупаться деликатесами для пасхального стола. Итан кружился как белка в колесе, пока не настал «час шестой».

Пожарный колокол на башне ратуши сердито пробил полдень. Покупатели удалились с полными сумками мясных изделий. Итан занес стойки с фруктами и закрыл двери. Внезапно темнота внутри него сгустилась, он задернул зеленые шторы, и в магазине тоже стало темно. Светились только неоновые трубки в холодильнике, окрашивая помещение в призрачный синий цвет.

Итан отрезал четыре толстых куса ржаного хлеба и щедро намазал их маслом. Открыл дверцу, достал два куса плавленого швейцарского сыра и три куса ветчины. «Сыр и салат, – пробормотал он. – Сыр и салат. Когда мужчина женится, становится крылат». Верхние куски хлеба он смазал майонезом из банки, положил на сэндвичи, придавил и обрезал выступающий салат и ветчину. Так, теперь коробка молока и вошенная бумага для упаковки. Итан аккуратно заворачивал сэндвичи, когда прозвенел дверной колокольчик и вошел Марулло, толстый и широкоплечий, как медведь, короткие ручки едва прилегали к телу. Шляпу он носил на затылке, из-под нее торчала шапка густых серо-стальных волос. Жуликоватые сонные глазки Марулло слезились, зато передние золотые зубы ослепительно сияли в неоновом свете. Две верхние пуговицы на брюках были растянуты, из-под них виднелись теплые серые кальсоны. Марулло заложил толстенные большие пальцы за пояс под животом и заморгал, привыкая к полумраку.

– С добрым утром, мистер Марулло. Точнее, доброго дня.

– Привет, малыш. Быстро ты закрылся.

– Весь город закрылся. Я думал, вы в церкви.

– Нет сегодня службы. Единственный день в году, когда ее нет.

– Неужели? Я и не знал. Чем могу помочь?

Короткие толстые ручки выпрямились, несколько раз согнулись и разогнулись в локтях.

– Руки болят, малыш. Артрит... Все хуже и хуже.

– Вылечить можно?

– Чего я только не пробовал: горячие компрессы, акулий жир, таблетки – болит. Тишина и порядок. Давай потолкуем о бизнесе, малыш? – блеснул зубами Марулло.

– Случилось что?

– Случилось? Что случилось?

– Погодите-ка, пока я отнесу сэндвичи в банк. Мистер Морфи попросил.

– Дополнительные услуги? Молодец. Правильно.

⁹ Матфей, 27:31–33.

Итан прошел через кладовую, пересек проулок и постучал в заднюю дверь банка. Джои открыл, он отдал ему молоко и сэндвичи.

– Спасибо! Право, не стоило утруждаться.

– Это дополнительная услуга. Так Марулло сказал.

– Придержите для меня пару бутылочек колы. Во рту сушь не хуже, чем в пустыне.

Вернувшись, Итан застал Марулло за инспектированием мусорного бака.

– О чем вы хотели поговорить, мистер Марулло?

– Начнем отсюда, малыш. – Он вынул из бака листья цветной капусты. – Слишком много срезаешь.

– Чтобы вид был товарный.

– Цветная капуста идет на вес. Ты выбрасываешь деньги в мусор! Я знаю одного ловкого грека, у него штук двадцать ресторанчиков. Он открыл большой секрет: заглядывай в мусорные баки. То, что персонал выкинул, можно было продать. Ловкий парень.

– Да, мистер Марулло. – Итан суетливо направился в торговый зал, Марулло семенил за ним по пятам, сгибая и разгибая руки в локтях.

– Ты хорошенько брызгаешь овощи, как я говорил?

– Конечно.

Босс поднял пучок салата.

– Суховат.

– Черт возьми, Марулло, не стану я пропитывать его насквозь – сгниет ведь! И так воды на треть от веса.

– От воды салату только польза – будет свежий и бодрый. Думаешь, я не знаю, как надо? Начинал-то я с одной тележки – всего с одной! Я-то знаю. Либо учишься хитростям, малыш, либо ты банкрот. Так, теперь мясо: слишком много платишь оптовикам.

– Ну, мы же вроде как предлагаем покупателям говядину первого сорта.

– Первый-второй-третий – кто разберет? Что на ценнике написано, то и будет! А теперь поговорим как следует. Ты отпускаешь продукты в кредит, и это не дело. Не заплатят к пятнадцатому числу – долой таких клиентов!

– Нельзя так. Некоторые закупаются тут уже лет двадцать.

– Слушай сюда, малыш. Сетевые магазины не дадут в долг ни пенни даже Рокфеллеру!

– Да, но наши должники всегда потом платят по большей части.

– Ключевое слово – потом! Деньги-то замораживаются. Сетевые магазины берут продукты грузовиками. Мы так не можем. Тебе еще многому учиться, малыш. Люди-то они хорошие, но деньги – тоже хорошо. В баке слишком много мясных обрезков.

– Мясо попало жирное и заветренное.

– Сперва взвешивай, потом обрезай. Заботиться нужно прежде всего о своих интересах. Иначе кто позаботится о тебе? Учись, малыш. – Золотые зубы уже не сверкали, губы Марулло сжались в нитку.

Неожиданно для себя Итан вспыхнул:

– Марулло, надувать покупателей я не стану!

– Никто никого не надувает. Бизнес есть бизнес, иначе в деле долго не продержишься, малыш. Думаешь, мистер Бейкер раздает бесплатные образцы?

Итан вскипел не хуже чайника.

– Нет, это ты послушай! – крикнул он. – Хоули живут здесь с середины семнадцатого века! А ты – иностранец. Что ты вообще понимаешь? С самого начала мы прекрасно ладили с соседями и были людьми порядочными. Думаешь, приперся сюда со своей Сицилии и можешь разом все изменить? Ошибаешься! Хочешь меня уволить – ради бога, хоть сейчас. И не смей называть меня малышом, не то как дам в нос!..

Марулло засиял всеми зубами сразу.

– Ладно, ладно. Не злись! Я только хотел удружить.

– И малышом хватит меня называть! Мои предки живут здесь уже две сотни лет! – Итан и сам понял, как смешно это звучит, и гнев начал улетучиваться.

– С английским у меня так себе. Думаешь, Марулло – всего лишь итальяшка, макаронник, даго? Моему роду и имени две, а то и три тысячи лет! Марулл – римский политик, о нем писал Валерий Максим. И что такое твои две сотни лет?

– Ты здесь не родился!

– Двести лет назад тебя тоже здесь не было.

От гнева Итана не осталось и следа, и он увидел такое, что заставляет иного усомниться в неизменности окружающей реальности. Иммигрант, макаронник, разносчик фруктов внезапно преобразился: высокий выпуклый лоб, мощный римский нос, глубоко посаженные глаза глядели свирепо и бесстрашно, голова венчала мощную шею, и было в нем столько гордости и уверенности в себе, что он вполне мог позволить себе притворяться скромным торговцем. Потрясение от подобного открытия бывает так велико, что поневоле задумаешься: что еще я пропустил в этой жизни?

– Перестаньте строить из себя макаронника, – глухо сказал Итан.

– Выгодно для бизнеса. Я учу тебя, как вести дело. Мне уже шестьдесят восемь. Жена умерла. Артрит достал. Пытаюсь тебя научить. Может, и не выйдет. У многих не выходит. И они вылетают в трубу.

– Могли бы и не напоминать, сам помню, чем закончился мой бизнес.

– Нет, ты не понял. Я пытаюсь научить тебя, как вести дело, чтобы ты больше не прогорел.

– Черта с два! У меня и бизнеса-то больше нет.

– Я же говорю – малыш.

– Послушайте, Марулло, – сказал Итан. – Я практически веду весь бизнес за вас. Занимаюсь бухгалтерией, кладу деньги в банк, заказываю продукты. Удерживаю покупателей. И они к нам возвращаются. Разве я не умею вести дело?

– Конечно, чему-то ты научился. И ты уже не тот малыш. Бесишься, когда я тебя так называю. Как же мне тебя звать? Я так всех зову.

– Попробуйте по имени.

– Нет, звучит недружелюбно. То ли дело «малыш».

– Трудно держаться с достоинством, когда тебя называют малышом.

– В достоинстве дружелюбия нет.

Итан рассмеялся.

– Если ты продавец в магазине макаронника, приходится держаться с достоинством – хотя бы ради жены и детей. Понимаете?

– Чушь!

– Ясное дело. Будь у меня чувство собственного достоинства, я бы об этом и не думал. Чуть не забыл слова, которые отец сказал мне незадолго до смерти. Предел оскорбления напрямую зависит от умственных способностей и уверенности в себе. Выражение «сукин сын» обидит лишь того, кто не вполне уверен в своей матери, а вот, к примеру, Альберта Эйнштейна они не заденут ничуть. Тогда он был еще жив. Так что продолжайте называть меня малышом и дальше, если угодно.

– Вот видишь, малыш! Звучит по-дружески.

– Ладно, пусть так. Вы вроде говорили, что я с бизнесом не справляюсь?

– Бизнес – это деньги. Дружба сюда никак. А ты, малыш, слишком по-дружески с покупателями. Так нельзя. С одной стороны дружба, с другой – бизнес и деньги.

– Что за ерунда, Марулло! Я знаю много дружелюбных и уважаемых дельцов.

– Пока не доходит до бизнеса с ними – да, малыш. Сам поймешь. Когда поймешь, будет слишком поздно. С магазином ты справляешься, но если он станет твоим – тут тебя и разорят

по-дружески. Я учу тебя, как в школе. Пока, малыш. – Марулло согнул руки в локтях, поспешно вышел и захлопнул за собой дверь, и Итан ощутил, как на него пала тьма.

Раздался негромкий лязгающий стук в дверь. Итан отодвинул штору и объявил:

– Магазин закрыт до трех часов.

– Откройте, мне нужно с вами поговорить.

Вошел незнакомец – тощий и моложавый, из той породы людей, что никогда не были по-настоящему молодыми, – одет как франт, сквозь блестящие, гладко прилизанные волосы проглядывает лысина, веселые глазки беспокойно бегают.

– Извиняюсь за беспокойство. Я тут проездом. Хотел переговорить наедине. Думал, старик никогда не уйдет.

– Марулло?

– Ага. Я ждал на той стороне улицы.

Итан покосился на идеально обработанные руки незнакомца. На среднем пальце левой руки был золотой перстень с кошачьим глазом. Незнакомец заметил его взгляд.

– Я вас не грабить пришел, – успокоил он. – Познакомился вчера с вашей подругой.

– Неужели?

– Миссис Янг-Хант. Марджи Янг-Хант.

– Да что вы?

Незнакомец явно чувствовал себя не в своей тарелке и пытался поскорее нащупать подход или хотя бы найти предлог для дальнейшей беседы.

– Премилая цыпочка. Наговорила про вас много хорошего. Вот я и подумал... Кстати, меня зовут Биггерс. Работаю на «Би-Би-Ди-энд-Ди».

– Наш поставщик – «Вэйландс».

– Знаю. Об этом я и хочу потолковать. Думаю, немного разнообразия вам не повредит. Мы только начинаем работать с вашим округом. И довольно быстро расширяемся. Для начала решили пойти на кое-какие уступки в ценах. И вы сможете зашибить пару монет.

– Говорите с Марулло. У него соглашение с «Вэйландс».

– Заказываете-то вы, а не Марулло? – доверительно спросил Биггерс, не понижая голоса.

– Да, я. Марулло артрит замучил, к тому же у него есть и другие дела.

– Мы готовы сбавить цены.

– Думаю, Марулло и так сбавил их до предела. Лучше поговорите с ним.

– Ни в коем случае. Мне нужен тот, кто занимается заказами. А это вы.

– Я всего лишь продавец.

– Мистер Хоули, вы делаете заказы. Могу вам предложить пять процентов.

– Марулло это будет интересно, если качество у вас не хуже.

– Вы не поняли. Марулло мне не нужен. Пять процентов предлагаю наличными – ни чеков, ни записей, ни проблем с парнями из налоговой, просто славная зелень из рук в руки, а оттуда в ваш карман.

– Почему не предложите скидку Марулло?

– У поставщиков есть уговор о ценах.

– Ясно. Что будет, если я соглашусь на пять процентов, а потом расскажу Марулло?

– Похоже, плохо вы знаете эту публику. Расскажите ему, и он будет гадать, сколько вам предложили на самом деле. И это абсолютно естественно.

– Хотите, чтобы я надул своего работодателя? – вполголоса спросил Итан.

– Никакого надувательства! Он не потеряет ничего, а вы зашибете пару баксов. Любой имеет право срубить денег по-легкому. Марджи сказала, вы парень ловкий.

– До чего день хмурый, – проговорил Итан.

– Вовсе нет. У вас шторы задернуты. – Пронырливый гость почуял опасность: его мысли судорожно заматались, будто мышь между сыром и мышеловкой. – Сделаем вот как. Вы

поразмыслите над моим предложением. Подберете для нас несколько заказов. Буду в вашем городке – зайду. Я приезжаю раз в две недели. Вот моя визитка.

Итан не двинулся с места. Биггертс выложил карточку на холодильный прилавок.

– А вот небольшой сувенир для наших новых друзей. – Из бокового кармана он достал дорогой и красивый бумажник из тюленьей кожи. Его он пристроил рядом с визиткой. – Отличная штука. Есть отделение для водительских прав, для платежных карт.

Итан промолчал.

– Заеду через пару недель, – пообещал Биггертс. – Вы пока поразмыслите. Я-то приеду непременно. У меня свидание с Марджи. Премилая цыпочка. – Не дождавшись ответа, он сказал: – Ну, я пошел. До скорого! – Внезапно он придвинулся к Итану вплотную: – Не дуркуйте! Все так делают. Все! – Он выскользнул за дверь и тихо прикрыл ее за собой.

В сгустившейся тишине раздавался гул неоновых трубок холодильника. Итан медленно повернулся к своей молчаливой аудитории – уставленным консервами полкам.

– Я-то думал, мы с вами друзья! А вы за меня даже не вступились. Эх, вы, мои ненадежные друзья-устрицы, маринованные огурчики, сухие смеси для кекса. Никаких вам больше единус. Интересно, что сказал бы святой Франциск, если бы его укусила собака или обгадила птица? Сказал бы он так: «Спасибо, мистер Пес, *grazie tanto*, сеньора Птица»? – В заднюю дверь застучали, потом забарабанили, и Итан быстро пошел открывать, бормоча себе под нос: – В перерыв покупателей куда больше, чем в часы работы.

Внутри ввалился Джои Морфи, хватаясь за горло.

– Бога ради, – простонал он. – На помощь... глоток пепси-колы, или я умру от обезвоживания! Почему здесь так темно? Неужели глаза меня тоже подводят?

– Шторы задернуты. Пытаюсь отвести мучимых жаждой банковских служащих. – Итан прошел к холодильнику, извлек покрытую инеем бутылку, открыл и потянулся за второй. – Похоже, мне тоже не помешает освежиться.

Старина Джои прислонился к стеклянной дверце и залпом осушил полбутылки.

– Эгей! – воскликнул он, заметив бумажник. – Кто-то посеял Форт-Нокс.

– Небольшой сувенир от представителя «Би-Би-Ди-энд-Ди». Пытаются навязать нам свой товар.

– Ну, сынок, торгуют они явно не орешками. Штука вам перепала отменная. Кстати, с вашими инициалами, причем в золоте.

– Да неужели?

– Вы что – не видели?

– Торговый агент только что ушел.

Джои открыл щелчком кожаный бумажник и пролистал пластиковые кармашки для визиток.

– Пора вам расширять круг знакомств, – заметил он. Добрался до отделения для купюр и воскликнул: – Широко мыслит ваш агент! – Он извлек двумя пальцами новенькую двадцатидолларовую банкноту. – Знал я, что они решили оккупировать наш округ, но не думал, что они пустят в ход тяжелую артиллерию. Вот вам и сувенир на память!

– Как там оказалась купюра?

– Думаете, я подложил?

– Джои, мне нужно с вами посоветоваться. Тот тип предложил пять процентов с любых закупок через их фирму.

– Bravo-bravo! Наконец-то вы разбогатеете! И слов на ветер они не бросают. Доставайте колу: это надо отметить!

– Думаете, мне стоит принять...

– Почему нет, если на цене это не отразится? Никто ничего не теряет.

– Он велел не говорить Марулло, иначе тот решит, что я получаю еще больше.

– Непременно решит. Что с вами, Хоули? Вы в своем уме? Видимо, дело в освещении. Вы весь зеленый. А я тоже? Надеюсь, вы не отказали ему сразу?

– Едва не выкинул его пинком под зад.

– Ого! Таких динозавров, как вы, еще поискать.

– Он сказал, что так делают все.

– Только предлагают не всем. Вам крупно повезло.

– Так нечестно.

– Почему же? Кто в убытке? Разве это противозаконно?

– То есть вы не стали бы отказываться?

– Отказываться?! Да я бы выпрашивал без устали! Вот только в моем деле все лазейки давно перекрыты. Если ты не президент, угодишь в тюрьму буквально за все, что попытаешься выкроить. Не понимаю я вас! Чего менжуетесь? Старина Альфио в убытке не будет, так о чем речь? Вы делаете одолжение поставщику, поставщик делает одолжение вам – хрустящее зеленое одолжение! Не глупите. У вас ведь жена и дети, а семья обходится ой недешево.

– Не пошли бы вы по своим делам...

Джои Морфи с грохотом поставил недопитую колу на прилавок.

– Мистер Хоули... Нет, мистер Итан Аллен Хоули, – холодно поправил себя он. – Если вам взбрело в голову, что я поступил бы противозаконно или склонял к этому вас, то идите-ка вы к черту!

Джои сердито зашагал к заднему входу.

– Я не так выразился! Богом клянусь, Джои, я не это имел в виду! День выдался непростой, то одно, то другое, да и праздник этот жуткий...

Морфи остановился:

– В каком смысле жуткий? Ах да! Понимаю. Еще бы не понять. Вы мне верите?

– Из года в год, с самого детства, и чем дальше, тем хуже... Так и слышится Его возглас: «*lama sabach thani*»¹⁰, и такое в нем одиночество...

– Итан, я вас понимаю. Осталось недолго, Итан, уже недолго. Забудь, что я сказал, ладно?

И в этот момент ударил пожарный колокол, всего один раз.

– Теперь все кончено, – проговорил старина Джои. – Кончено до следующего года. – Он тихонько выскользнул через задний вход и прикрыл за собой дверь.

Итан поднял шторы и снова открыл магазин, но торговля почти замерла: двое детишек забежали за бутылкой молока и буханкой хлеба, мисс Борчер купила на ужин отбивную из молодой баранины и банку горошка. Улицы обезлюдели. В последние полчаса перед шестью, пока Итан готовился к закрытию, не было ни души. Заперев двери и направившись домой, Итан вспомнил про список продуктов; пришлось вернуться, набрать две большие сумки и снова все закрыть. Ему хотелось прогуляться до набережной и посмотреть, как серые волны накатывают на пристань, вдохнуть запах моря и поболтать с чайками, стоящими клювом к ветру на плавучем причале. Вспомнилось написанное давным-давно восторженное стихотворение какой-то поэтессы, пришедшей в исступление от полета чайки, что скользила на ветру, будто по спирали. Начиналось оно так: «О, вольная птица, куда ты стремишься?» Ответа на этот вопрос поэтесса так и не нашла – впрочем, вряд он был ей вообще нужен.

Тяжелые сумки с продуктами для праздничного стола прогулке отнюдь не способствовали. Итан устало пересек Главную и направился по Вязовой улице к старинному дому семейства Хоули.

¹⁰ Матфей, 27:46. «А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

Глава 2

Мэри отошла от плиты и забрала у него одну сумку с продуктами.

– Мне столько надо тебе рассказать! Жду не дожусь!

Итан ее поцеловал, и она почувствовала, какие сухие у него губы.

– Случилось что? – спросила она.

– Так, устал.

– У тебя же был трехчасовой перерыв!

– Дел полно.

– Надеюсь, ты не в печали!

– День сегодня печальный.

– Напротив, день – чудесный! Я тебе такое расскажу!

– Где наши дети?

– Наверху, слушают радио. У них тоже новости!

– Что стряслось на этот раз?

– Почему именно стряслось?

– Не знаю.

– Тебе нездоровится.

– Да в порядке я!

– Мне не терпится рассказать, но сначала давайте поужинаем. Ты ушам своим не пове-
ришь!

Аллен и Мэри Эллен скатились вниз по лестнице и вбежали в кухню.

– Он дома, – заметили они.

– Пап, у тебя в магазине продается «Пикс»?

– Если ты о хлопьях, то да, конечно, Аллен.

– Принеси нам несколько! У них на коробке маска Микки Мауса, ну, чтобы вырезать.

– Разве ты не староват для масок с Микки Маусом?

– Посылаешь им купон с коробки и десять центов, и тебе приходит такая штука для
чревоутоления и инструкция к ней. Мы по радио сейчас слышали!

– Расскажи отцу, чем вы хотите заняться, – напомнила Мэри.

– Мы решили принять участие в конкурсе «Почему я люблю Америку»! Первое место –
поездка в Вашингтон с родителями, и куча других призов.

– Отлично, – сказал Итан. – Что это такое? Что делать надо?

– Газета Херста! – вскричала Эллен. – Конкурс проводится по всей стране. Пишешь эссе
о том, почему ты любишь Америку. Победителей покажут по телевизору!

– Подумаешь, телевидение! – воскликнул Аллен. – Как насчет поездки в Вашингтон,
отеля, выступления, встречи с президентом и прочих радостей? Вот это я понимаю!

– А как насчет школы?

– Все будет летом. Победителей объявят четвертого июля.

– Что ж, почему бы и нет. Вы и правда любите Америку или вы любите призы?

– Послушай, отец, – вмешалась Мэри, – не порти им удовольствие!

– Всего лишь хочу отделить хлопья от маски мыши. Они все валят в одну кучу.

– Пап, а откуда бы нам списать?

– Что списать?!

– Ну, там всякие умные штуки, которые сказали другие парни...

– Твой прадед собрал неплохую библиотеку. Книжки на чердаке.

– И что там есть?

– Есть речи Линкольна, Дэниела Уэбстера и Генри Клея. Можешь еще посмотреть Генри Торо, Уолта Уитмена или Эмерсона, Марка Твена тоже полистай. Всех найдешь на чердаке.

– Пап, ты их читал?

– Ваш прадед был моим дедом. И иногда он читал мне вслух.

– Поможешь нам с эссе?

– Тогда это будет мое эссе.

– Ладно, – сказал Аллен. – Не забудешь принести «Пикс»? В хлопьях много железа, и все такое.

– Попробую не забыть.

– Можно нам в кино?

– Мы собирались красить пасхальные яйца, – напомнила Мэри. – Они уже варятся. После ужина можете поиграть с ними на террасе.

– А можно мы пойдем на чердак – полистаем книжки?

– Не забудьте потом погасить свет, – кивнула Мэри. – Однажды он горел целую неделю.

Итан, это ты забыл его выключить.

Когда дети убежали, Мэри сказала:

– Разве ты не рад, что они собрались участвовать в конкурсе?

– Конечно, если только они займутся этим всерьез.

– Мне не терпится тебе рассказать! Сегодня Марджи мне снова гадала, причем трижды!

Она говорит, подобный расклад никому еще не выпадал! Трижды! Карты сами так ложились, я видела!

– О господи!

– погоди смеяться, сначала послушай! Ты вот вечно шутишь насчет высоких брюнетов.

Ни за что не догадаешься, кто моя судьба! Или хочешь угадать?

– Мэри, позволь тебя предупредить.

– Предупредить?! Ты ведь понятия не имеешь! Моя судьба – это ты!

Итан выругался себе под нос.

– Чего-чего?

– Не густо, вот чего.

– Думай что хочешь, но так сказали карты! Причем трижды!

– Карты умеют говорить?

– Еще как умеют, – отрезала Мэри. – Она читала мой расклад, и все там было про тебя.

Главное вот что: ты станешь одним из самых влиятельных людей в нашем городе. И произойдет это довольно скоро. Долго ждать не придется! Каждая карта, которую она переворачивала, показывала деньги и еще деньги. Ты будешь богат!

– Дорогая, – сказал Итан, – прошу, послушай меня!

– Ты сделаешь выгодное вложение!

– Чего мне вкладывать?

– Ну, после моего брата остались деньги...

– Нет! – воскликнул он. – Ни за что к ним не прикаснись! Деньги твои, твоими и останутся. Ты сама придумала или...

– Марджи о них даже не заикнулась. И карты молчали. В июле ты сделаешь выгодное вложение, и с того момента твоему везению не будет конца! Разве не здорово? Так она и сказала: твоя судьба – Итан. Он станет самым богатым и влиятельным человеком в нашем городе!

– Черт бы ее побрал! Она не в праве...

– Итан!

– Знаешь, что она творит? И что творишь ты?

– Знаю, что я хорошая жена, а она хорошая подруга! И я не хочу ссориться при детях.

Марджи Янг – моя лучшая подруга! Знаю, тебе она не нравится. Думаю, ты просто ревнуешь.

У меня был чудесный день, ты же хочешь все испортить! Нельзя так, Итан! – От гнева и досады лицо Мэри пошло пятнами, и она яростно набросилась на того, кто попытался лишить ее мечты о богатстве. – Сидишь тут и разносишь всех в пух и прах, мистер Умник! Думаешь, Марджи все наврала? Вовсе нет, я сама сдвигала карты трижды! И даже если это так, она лишь хотела немного помочь, поступила по-дружески, чуток подняла мне настроение! Ну, что ты на это скажешь, мистер Умник? Какая ей с того выгода?

– Если бы я только знал, – проговорил он. – Может, просто решила подгадить. Ведь у нее ни мужа, ни работы. Наверное, дело в этом.

Мэри понизила голос и проговорила с горечью:

– Да что ты вообще знаешь? Подгадить! Ты понятия не имеешь, каково приходится Марджи. Ее постоянно преследуют мужчины. Влиятельные, женатые... шепчут ей сальности и делают неприличные предложения. Она уж и не знает, куда от них деваться! Поэтому ей нужна подруга, которой можно довериться. О, она мне такого порассказала – ты не поверишь, кто к ней подкатывает! Некоторые на людях делают вид, что терпеть ее не могут, а сами шныряют возле ее дома или звонят и настаивают на встрече. Прикидываются святошами, вечно морали читают, а потом... И ты говоришь, что она хочет нам подгадить!

– Имен она не называла?

– Нет, и это лишний раз говорит в ее пользу! Марджи никому не хочет навредить, если только ее не тронут. Среди них есть один человек, узнай я его имя – непременно поседела бы!

Итан глубоко вздохнул, задержал дыхание и выдохнул.

– Кто бы это мог быть? – продолжила Мэри. – Судя по всему, мы оба его знаем и вряд ли смогли бы в такое поверить.

– При определенных обстоятельствах она наверняка расколется, – тихо произнес Итан.

– Если ее вынудят – да! Так она и сказала. Допустим, под угрозой окажется ее доброе имя... Как думаешь, кто это?

– Кажется, я знаю.

– Знаешь? И кто же?

– Я.

Мэри изумленно ахнула.

– Итан! Опять ты дурачишься! – воскликнула она. – За тобой глаз да глаз, вечно ты меня разыгрываешь! Впрочем, это лучше, чем грустить.

– Вот так история с географией! Мужчина признается в грехах плоти, да еще с лучшей подругой жены, и над ним же насмеются.

– Таким не шутят!

– Возможно, мужчине следует все отрицать. Тогда уж жена почтит его подозрением. Дорогая моя, клянусь тебе всем, что есть святого, что я никогда ни словом, ни делом не приставал к Марджи Янг-Хант! Теперь ты веришь, что я виновен?

– Ты?!

– Думаешь, я недостаточно хорош и не пользуюсь спросом – другими словами, на меня никто не позарится?

– Пошутить я люблю, ты знаешь. Но с таким не шутят, Итан! Надеюсь, дети не добрались до сундуков. Вечно они все разбросают и не уберут за собой.

– Попробую еще разок, моя возлюбленная супруга. Некая женщина с инициалами М. Я.-Х. по известной лишь ей причине обложила меня ловушками. Мне угрожает смертельная опасность угодить не в одну, так в другую западню.

– Почему бы тебе не поразмыслить над предсказанием? Карты говорили про июль, причем трижды – сама видела! Ты получишь кучу денег. Подумай-ка об этом.

– Ты так сильно любишь деньги, мой крольчонок?

– Что значит – люблю деньги?

– Ты любишь их настолько, что готова прибегнуть к черной магии, запретным чарам и заклинаниям или иным подобным средствам?

– Вот ты и сказал! Ты начал первый. Я не позволю тебе прятаться за словами! Люблю ли я деньги? Нет. Но и волноваться по пустякам я тоже не люблю. Мне хочется ходить по городу с высоко поднятой головой. Мне не хочется, чтобы мои дети чувствовали себя ущемленными по сравнению с другими детьми, потому что они вечно в чужих обносках. Я хочу высоко держать голову!

– Думаешь, деньги ее поднимут?

– Деньги сотрут насмешки с лиц твоих чертовых дружков-снобов!

– Над Хоули никто не насмехается.

– Это ты так думаешь! Ты просто не замечаешь.

– Потому что я себя не накручиваю.

– Ах так, попрекаешь меня своими чертовыми Хоули?

– Что ты, дорогая. Мое происхождение больше не аргумент в споре.

– Рада, что до тебя наконец дошло. В любом городе продавец есть продавец, будь он хоть трижды Хоули!

– Все еще винишь меня за банкротство?

– Нет. Конечно, нет. А вот за то, что ты сидишь в яме и не желаешь из нее вылезать, – да! Не будь у тебя голова забита морально устаревшими высоконравственными идейками, давно бы вылез. Над тобой все смеются! Благородный джентльмен без денег – хуже любого босняка! – Мэри сама испугалась своих слов, смутилась и умолкла.

– Прости, – сказал Итан. – Кое-чему ты меня научила – трем вещам, если быть точным, моя кроличья лапка. Люди не верят правде, не верят тому, что вполне возможно, и тому, что вполне логично. Теперь я знаю, где взять деньги, что помогут предсказанию сбыться.

– Где?

– Я ограблю банк.

Таймер на духовке запыликал.

– Сходи за детьми, – велела Мэри. – Запеканка готова. И свет пусть не забудут погасить. Она прислушалась к его удаляющимся шагам.

Глава 3

Для моей жены, моей Мэри, заснуть не сложнее, чем закрыть дверцу шкафа. Сколько раз я с завистью наблюдал, как это происходит. Ее прелестное тело чуть вздрагивает, она будто укутывается в кокон. Легкий вздох, глаза закрываются, губы безмятежно складываются в мудрую и отстраненную улыбку греческой богини. Она улыбается всю ночь, дыхание вибрирует в горле – на храп совсем не похоже, звук такой, будто котенок мурлыкает. На миг температура у Мэри резко подскакивает, и от тела рядом со мной исходит свечение, потом температура падает, и Мэри уже далеко. Не знаю, куда она уходит во снах. Она утверждает, что ей ничего не снится. Конечно, снится. Просто сны ее не тревожат либо тревожат так сильно, что к моменту пробуждения она их уже не помнит. Она любит сон, и сон отвечает ей взаимностью. У меня, увы, все иначе. Я сражаюсь со сном и в то же время жажду в него погрузиться.

Думаю, разница между нами в том, что Мэри знает – она будет жить вечно, из одной жизни она шагнет в другую с той же легкостью, с которой переходит от сна к пробуждению. Она знает это всем телом, всем своим существом и думает об этом не больше, чем о том, как дышать. И поэтому у нее есть время на сон и отдых, время на то, чтобы ненадолго прервать свое существование.

Что же касается меня, то я интуитивно чувую: однажды, рано или поздно, моя жизнь закончится. И я изо всех сил борюсь со сном, взываю к нему и даже порой заманиваю. Сплю я с чувством щемящей тоски, в яростных муках. Мне это известно, потому что в момент пробуждения я все еще ощущаю сокрушительный удар. Заснув, я не отдыхаю вовсе. Мои сны – продолжение дневных тревог, доведенных до абсурда, они похожи на маленьких человечков, пляшущих в масках рогатых зверей.

По времени я сплю гораздо меньше, чем Мэри. Она говорит, что иначе не высыпается, и я соглашаюсь, что мне столько сна не надо, однако сам в это не верю. Тело накапливает огромное количество энергии, получая ее из пищи. Можно использовать ее быстро, как дети, съедающие все конфеты за один присест, можно тратить ее понемногу. Всегда найдется маленькая девочка, которая отложит часть конфет на потом и будет лакомиться ими, когда у торопливых обжор уже ничего не останется. Думаю, Мэри проживет гораздо дольше меня. Она копит жизненные силы на потом. Если подумать, многие женщины живут гораздо дольше мужчин.

Великая Пятница всегда рвала мне душу. Даже в детстве в глубокую печаль меня повергали не муки распятого Христа, а его страшное одиночество. Наваянная Матфеем печаль так меня и не покинула, я все еще помню отрывистый, напряженный голос моей двоюродной бабушки Деборы, жившей в Новой Англии.

В этом году стало еще хуже. Мы примеряем историю на себя, отождествляем себя с ней. Сегодня Марулло вздумалось меня поучать, и впервые я понял сущность торговли. Сразу после этого мне впервые предложили взятку. Как ни странно – в мои-то годы, – прежде такого не случалось. Я должен как следует поразмыслить о Марджи Янг-Хант. Подлая она или нет? Какова ее цель? Насколько я понял, она что-то мне пообещала и чем-то пригрозила, если я откажусь это принять. Способен ли мужчина продумать свою жизнь до конца или должен просто плыть по течению?

Столько ночей я лежал без сна, слушая тихое мурлыканье Мэри, спящей рядом со мной! Если долго вглядываться в темноту, перед глазами замелькают красные точки и время покажется бесконечным. Мэри так любит спать, что я стараюсь беречь ее сон, даже когда кожа зудит от желания встать и уйти. Если я покину кровать, жена проснется. Она чувствует мое отсутствие. Единственный раз бессонница у Мэри случилась во время болезни, поэтому она считает, что я нездоров.

Сегодня ночью я не мог больше лежать и решил прогуляться. Дыхание Мэри было ровным и мурлыкающим, на губах играла античная улыбка. Вероятно, жене снилась ожидавшая нас удача и деньги, которые я вот-вот наживу. Мэри хочет, чтобы ей было чем гордиться.

Почему-то некоторые считают, что как следует все обдумать можно лишь в специальном месте. У меня такое есть, да и всегда было, только я хожу туда не просто подумать, а прочувствовать, пережить заново и извлечь из глубин памяти. Это мой островок безопасности, который должен быть у каждого, хотя редко кто в таком признается. Спящего часто будит затаенное, тихое движение, а обычное размеренное действие его сну ничуть не мешает. Еще я уверен, что душа спящего блуждает по мыслям других людей. Поэтому я убедил себя, что скоро мне понадобится в туалет, дождался позыва, встал и вышел. После ванной я тихо спустился по лестнице, неся вещи в охапке, и оделся на кухне.

Мэри утверждает, что я разделяю с другими людьми их воображаемые беды, которых нет и в помине. Возможно, она права, однако я представил сценку в тускло освещенной кухне: Мэри просыпается и ищет меня по всему дому с выражением беспокойства на лице. Я черкнул записку на листке из блокнота: «Дорогая, мне не спится. Ушел погулять. Скоро вернусь». Вроде я оставил ее прямо по центру стола, чтобы включивший свет увидел записку в первую очередь.

Потом я приоткрыл заднюю дверь и вдохнул ночной воздух. Было прохладно, пахло изморозью. Я закутался в теплое пальто и натянул вязаную матросскую шапку на уши. На кухне заурчали электронные часы. Без четверти три. Я провалился в кровати без сна, разглядывая красные точки, с одиннадцати часов.

Наш Нью-Бэйтаун – красивый старинный городок. Его первыми поселенцами, моими предками, стали сыны тех неугомонных, задиристых и алчных моряков, которые при Елизавете были головной болью всей Европы, при Кромвеле захватили Вест-Индию, по возвращении Карла II Стюарта получили каперские грамоты и осели на севере побережья. Они успешно совмещали пиратство и пуританство, которые не так уж и отличаются друг от друга, если вдуматься. Приверженцы обеих групп терпеть не могут своих противников и неровно дышат к чужой собственности. Смешавшись, они породили на редкость строптивое и живучее племя. Я узнал об этом благодаря отцу. Он чересчур высоко чтит память своих славных предков, что обычно присуще тем потомкам, кто не унаследовал от них практически никаких выдающихся качеств. Мой отец был великодушный, хорошо образованный, опрометчивый, иногда гениальный дурак. Он собственноручно потерял землю, деньги, престиж и будущее; фактически, он потерял все, чего поколения Алленов и Хоули добились за пару сотен лет, утратил все, кроме имени, а ничто иное его и не занимало. Отец давал мне так называемые «уроки наследия предков». Поэтому я столько знаю о наших стариках. Вероятно, по той же причине я работаю продавцом в сицилийском продуктовом магазине, расположенном в квартале, некогда принадлежавшем семейству Хоули. Хотел бы я не принимать это к сердцу, но ничего не могу с собой поделать. Ведь нашу семью сгубили вовсе не депрессия и не тяжелые времена.

А началось все с мысли о том, что Нью-Бэйтаун – красивый городок. На Вязовой улице я свернул вправо, а не влево, и быстро дошел до кривой улочки Порлок, параллельной Главной. Коротышка Вилли, наш толстый полисмен, обычно дремлет в патрульной машине на Главной улице, а мне не хотелось проходить мимо него в ночное время. «Почему не спишь, Ит? Нашел себе милашку или еще что?» Коротышка Вилли на посту скучает и любит поболтать, потом же любит передать другому то, что услышал от тебя. От его одиночества в городке частенько происходят мелкие, зато на редкость неприятные скандалы. Днем дежурит полисмен Стоун-олл Джексон Смит. Это вовсе не прозвище. Его назвали в честь президента Эндрю Джексона – Твердокаменного Джексона, и благодаря этому его не спутаешь с прочими Смитами. Не знаю, почему городские полицейские являют друг другу полную противоположность, но это факт. Стоуни Смит ни за что не расколется, какой сегодня день недели, разве что под присягой. Шеф полиции Смит отдается работе без остатка, изучает передовые методы и прошел стажировку

в ФБР в Вашингтоне. Думаю, он образцовый полицейский – высокий, сдержанный, с металлическим блеском в глазах. Если вы задумали преступление, то нашему шефу полиции лучше не попадаться.

Вот куда завело меня желание избежать разговора с Коротышкой Вилли на улице Порлок. Кстати, на ней находятся самые красивые дома Нью-Бэйтауна. В начале девятнадцатого века в городке было больше сотни китобойных судов. Возвращаясь из годовичного или двухгодичного плавания по Антарктике или Китайскому морю, они были загружены китовым жиром под завязку. В иностранных портах моряки подхватывали и всяческие сувениры, и новые идеи. Поэтому в домах на улице Порлок так много китайских безделушек. Некоторые капитаны отличались весьма недурственным вкусом. В результате в домах на улице Порлок отчетливо заметно влияние братьев Адамов и стиля неогрек. В Англии тогда он был в моде. Однако наряду с арочными окнами, колоннами с каннелюрами и меандрами они не забывали пристроить на крыше привычный «вдовый мостик». Предполагалось, что преданные жены должны выходить на него и высматривать возвращающиеся корабли; возможно, некоторые из них так и делали. Мое семейство, Хоули, а также Филипсы, Эдгары и Бейкеры прибыли в городок куда раньше. Они остались на Вязовой улице, и их дома были выстроены в колониальном стиле – с остроконечными крышами и обшитыми досками наружными стенами. Таков и мой дом, то есть старинный дом Хоули. Вязы-великаны на нашей улице – ровесники домам.

На улице Порлок сохранились газовые фонари, только теперь в них горели электрические лампы. Летом приезжают туристы – оценить архитектуру и так называемое «очарование старины». Неужели очаровательной может быть лишь старина?

Я уже позабыл, как вермонтские Аллены спутались с Хоули. Это произошло вскоре после Первой американской революции. Разумеется, выяснить подробности нетрудно. Где-то на чердаке должны быть записи. Когда отец умер, Мэри была сыта по горло семейной историей Хоули, поэтому ее предложение перенести все реликвии на чердак я вполне понял. От чужих семейных историй быстро устаешь. Мэри даже не уроженка Нью-Бэйтауна. Ее семья – ирландского происхождения, причем не из католиков. Она всегда делает на этом акцент. Ольстерский род, как она любит говорить. Сама Мэри приехала из Бостона.

Точнее, привез ее из Бостона я. Так и вижу нас обоих, причем, пожалуй, даже более четко, чем тогда: взволнованный, оробелый младший лейтенант Хоули, получивший увольнительную на выходные, и кроткая, розовощекая, пахнущая свежестью юная девушка, чьи прелести троекратно возросли на фоне войны и бесконечной муштры. Настроены тогда мы были очень серьезно, я бы сказал – безумно серьезно. Меня убьют, и она будет хранить память героя вечно. Об этом мечтали миллионы юношей в оливковой форме и девушек в цветастых платьях. Все могло закончиться стандартным письмом: «Извини, я полюбила другого» – но Мэри осталась верна своему воину. Ее письма преследовали меня повсюду: круглый, четкий почерк, темно-синие чернила на голубой бумаге; вся рота узнавала их сразу и бурно за меня радовалась. Даже если бы я не хотел жениться на Мэри, ее постоянство принудило бы меня к этому ради исполнения всеобщей мечты о красивых и преданных женщинах.

Мэри ничуть не колебалась и с готовностью переехала из бостонской многоэтажки в старинный дом семейства Хоули на Вязовой улице. Ее не сломили ни постепенный упадок моего бизнеса, ни рождение наших детей, ни затянувшееся прозябание семьи, пока я перебивался продавцом в продуктовом магазине. Ждать она умеет, теперь я это понимаю. И все же слишком долгое ожидание ее утомило. Прежде она никогда не высказывала своих заветных желаний, глумиться и сыпать колкостями вовсе не в ее духе. Моя Мэри слишком долго мирилась с превратностями судьбы. Удивляло меня другое – в ней появилась злоба, а ведь раньше ее не было и в помине... Как быстро проясняются мысли, когда шагаешь по покрытой инеем ночной улице.

Ранним утром в Нью-Бэйтауне можно гулять, совершенно не таясь. Коротышка Вилли отпустит шутку-другую, а большинство жителей, увидев меня идущим к бухте в три часа утра,

решит, что я собираюсь порыбачить, и благополучно займется своими делами. Каких только способов рыбной ловли они не придумали, причем многие передаются из поколения в поколение, как кулинарные рецепты. Рыбаки у нас друг друга понимают и уважают.

В свете фонарей иней на газонах и тротуарах переливался миллионами крошечных бриллиантов. На таком инее остаются следы, а впереди меня их не было. В детстве я обожал ходить по свежеснеженному снегу или инею. Словно попадаешь в совершенно новый мир, где до тебя никто не бывал, и открываешь нечто свежее, чистое, никем не использованное и не испачканное. Типичное ночное племя – кошки – терпеть не может по нему ходить. Помню, как-то раз я на спор прошелся босиком по снегу – он просто обжигал ступни. Сегодня на мне галоши и теплые носки, и я с радостью оставил первые шрамы на сверкающей целине.

На пересечении улиц Порлок и Торки, где находится велосипедный завод, неподалеку от Глухой улицы, чистый иней уродовали два длинных следа. Дэнни Тейлор – неприкаянный, пошатывающийся призрак – вечно куда-то стремится, а дотавившись туда, понимает, что ему надо совсем в другое место. Дэнни – пьянь беспробудная. Думаю, такой в каждом городке есть. При упоминании Дэнни Тейлора городские шишки медленно качают головами: из хорошей, уважаемой семьи, последний в своем роду, получил прекрасное образование. Что-то пошло не так в Академии? Почему он не приведет себя в божеский вид? Он допьется до смерти, а это неправильно, потому что Дэнни – джентльмен. Какой стыд – кланчить деньги на выпивку. К счастью, его родители до этого не дожили. Пьянство сына их непременно убило бы, но они уже мертвы. Так принято рассуждать в Нью-Бэйтауне.

Дэнни – мое больное место и вечный упрек. Я мог бы ему помочь. Я и пытался, но он не позволяет. Дэнни мне как брат – мы ровесники, дружим с детства, одинакового роста и равны по силе. Вероятно, я чувствую вину за то, что, будучи сторожем брату моему, не смог его спасти. И благодаря этой убежденности все причины, даже самые весомые, выглядят жалкими отговорками. Тейлоры – семейство столь же почтенное, как и Хоули, Бейкеры и прочие. В детстве без Дэнни не обходился ни пикник, ни поход в цирк, ни любые соревнования, ни Рождество. Он был самым близким мне человеком. Возможно, поступи мы в один колледж, все вышло бы иначе. Я отправился в Гарвард и предался изучению классических языков и литературы, с головой окунувшись в старину, красоту и таинственные глубины гуманитарных наук – знания совершенно бесполезные для владельца продуктового магазина, как выяснилось позже. И мне всегда хотелось, чтобы в том восхитительном паломничестве меня сопровождал Дэнни. Однако его готовили к карьере на море. С поступлением в Военно-морскую академию было все решено и условлено еще в его глубоком детстве. Каждый раз, когда у нас избирали нового конгрессмена, отец Дэнни не забывал обновить договоренность.

Три года учебы с отличием – и внезапное исключение. Говаривают, это убило его родителей, да и от самого Дэнни мало что осталось. Шаркающий скорбный призрак, кланчащий десятицентовики на пинту «топлива». Англичане выразились бы так: он не оправдал надежд родни, хотя в большей степени он не оправдал своих собственных ожиданий. В результате Дэнни превратился в бродягу, блуждающего по улицам с глубокой ночи до раннего утра, – одинокое и жалкое создание. Выпрашивая мелочь на выпивку, он заглядывает тебе в глаза, будто умоляет его простить, потому что простить сам себя он не может. Он спит в лачуге на судовой верфи, некогда принадлежавшей Уилберам. Я склонился, рассматривая его следы, чтобы понять, куда он направился. Судя по ним, с верфи он ушел и может быть где угодно. Коротышка Вилли не станет его арестовывать. Что толку?

Я знал, куда мне идти. Еще лежа в кровати, я понял, куда меня так тянет, увидел будто наяву, даже запах почувствовал. Старая гавань теперь в изрядном запустении. После постройки нового волнолома и городского мола огромная якорная стоянка, образованная зубчатыми выступами Троицына рифа, заросла илом и песком. Исчезли стапели, канатные дворы и склады, где целые семьи бондарей изготавливали бочки для китовой ворвани, исчезли при-

чалы, над которыми нависали бушприты китобойных судов с их галюнными фигурами или резными носовыми украшениями. Обычно они были трехмачтовыми, с крепкой обшивкой, способной выдержать долгие годы плавания при любой непогоде. На бизань-мачте крепились прямые паруса и нижний косой парус; бом-утлегарь был выносной, двойной мартин-гик служил и шпринтовым гафелем.

Есть у меня гравюра Старой гавани, до отказа забитой кораблями, и несколько выцветших фотографий на листах железа, но я и без них отлично знаю и гавань, и корабли. Мой дед чертил их на земле тростью из бивня нарвала и без усталости гонял меня по морским терминам, постукивая по источенной приливом свае – жалкому огрызку того, что некогда было причалом Хоули. Неистовый старик с седыми бакенбардами. Я любил его до дрожи.

– Ладно, – говорил он голосом, которым привык отдавать команды с мостика без всякого рупора, – назови-ка мне всю оснастку, да погромче. И не шепчи!

И я выкрикивал названия снастей, он же выстукивал тростью из бивня нарвала в такт моим словам.

– Бом-утлегарь (бац!), бом-кливер (бац!), средний кливер, кливер (бац! бац!).

– Громче! Не смей бубнить!

– Фор-трюмсель, фор-бом-брамсель, фор-брамсель, верхний фор-марсель, ундерлисель, фок! – И каждое название сопровождалось ударом.

– А теперь грот-мачта! Громче!

– Грот-трюмсель! – Бац!

Годы сказывались, и он начал уставать.

– Отставить грот-мачту! – гремел он. – Переходи к бизани. Громко и отчетливо!

– Есть, сэр! Крюйс-трюм, крюйс-бом-брамсель, крюйс-бом-брам, верхний крюйсель, нижний крюйсель, крюйс-марсель...

– Дальше!

– Бизань.

– Как крепится?

– По гику и к гафелю, сэр.

Бац! Бац! Бац! Трость из бивня нарвала бьет по наполовину затопленной свае.

С годами слух его ухудшался, и он все чаще обвинял людей, что они бубнят себе под нос.

– Если знаешь наверняка или думаешь, что знаешь, – говори громко и отчетливо! – орал дедушка.

Пусть в конце жизни слух и подводил Старого Шкипера, память он сохранил ясную. Он мог безошибочно назвать тоннаж и скорость хода чуть ли не любого судна, покинувшего гавань Нью-Бэйтауна, помнил, с каким грузом оно вернулось и как он был разделен, а ведь к тому моменту, как дед стал шкипером, великая эпоха китобойного промысла практически отошла в прошлое. Керосин дед презрительно окрестил скунсовым жиром, керосиновые лампы – вонючками. Появление электрических ламп он встретил равнодушно, ибо к тому моменту целиком погрузился в воспоминания о прошлом. Его смерть не стала для меня ударом – старик заставил меня усвоить не только парусное вооружение, я знал, к чему быть готовым и что делать.

На краю заросшей илом и песком Старой гавани, где раньше находился причал Хоули, еще сохранился каменный фундамент. Он доходит в аккурат до уровня малой воды, во время прилива волны бьются о каменную кладку. В десяти футах от конца есть небольшая сводчатая ниша фута четыре в ширину, столько же в высоту и футов пять в глубину. Возможно, раньше она использовалась для отвода воды, теперь же вход со стороны суши забит песком и камнями. Это и есть мое Место, которое нужно каждому человеку. Когда я там, увидеть меня можно лишь с моря. Сейчас в Старой гавани осталось лишь несколько старых хибар, где летом живут собиратели венерок, зимой они по большей части пустуют. Впрочем, люди это тихие и нелюбопытные. Целыми днями молчат, ходят ссутулившись и опустив голову.

Туда-то я и направился. Там я просидел всю ночь перед тем, как пойти в армию, и перед тем, как жениться на Мэри, и большую часть ночи, когда в муках рождалась Эллен. Я был вынужден приходить сюда, садиться в нишу, слушать, как волны бьются о камень, и смотреть на остроконечные уступы Троицына рифа. Лежа в кровати и разглядывая круженье красных точек, я мысленно отправлялся сюда и знал, что должен прийти и посидеть в своем Месте. В Старую гавань меня влечет предчувствие перемен – больших перемен.

Вдоль берега тянется Саут-Девон, пляж ярко освещен фонарями – добрые люди заботятся о влюбленных, вынуждая их искать иное место уединения. Постановлением муниципалитета Коротышка Вилли обязан патрулировать его каждый час. Как ни странно, я не встретил ни души, хотя обычно в это время рыбаки либо уходят в море, либо возвращаются с лова. Я перегнулся через край пристани, отыскал выступающий камень и, сложившись пополам, вполз в пещерку. Не успел я расположиться, как мимо проехала патрульная машина. Этой ночью я дважды избежал встречи с Коротышкой Вилли. Вроде бы восседать в маленькой нише со скрещенными ногами, словно долбаный Будда, неудобно и выглядит по-дурацки, однако я привык к камню – или он ко мне. Вероятно, я сидел здесь столько раз, что моя пятая точка приспособилась к камням. Вести себя глупо мне не привыкать. Порой это даже здорово, ведь дети тоже любят дурачиться и смеяться до упаду. Иногда это помогает вырваться из рутины и начать заново. Когда на душе у меня беспокойно, я дурачусь, чтобы моя любимая не догадалась, как мне тяжело. Пока она меня ни разу не раскрыла, или же мне так кажется. Я мало знаю свою Мэри и совсем не знаю, что ей известно обо мне. Вряд ли ей известно о Месте. Откуда? Я о нем никому не рассказывал и особого названия не придумал, оно для меня просто Место. У меня нет ни ритуала, ни петушиного слова – ничего подобного. Это всего лишь точка в пространстве, куда я прихожу заглянуть в себя. Ни один человек по-настоящему не знает других людей. Самое большее, на что он способен, – предположить, что они похожи на него. Теперь, сидя на Месте, укрытом от ветра, и глядя в свете прожекторов на наступающий прилив, я задался вопросом: у всех ли есть свое Место, всем ли оно нужно и всегда ли оно находится? Порой в чужих глазах мелькает взгляд затравленного зверя, ищущего, где бы затаиться и переждать, пока душевный трепет сойдет на нет, где можно побыть одному и подвести итоги. Разумеется, я в курсе теорий о стремлении вернуться в утробу и подсознательной тяге к смерти, и для большинства оно действительно так, однако едва ли это мой случай – если только не пытаться называть простыми именами понятия куда более сложные. Сам я называю происходящее со мной в Месте словом «переучет». Кто-то назвал бы это молитвой – и тоже бы не ошибся. Вряд ли можно считать это размышлениями. Если перевести на язык образов, то мое времяпрепровождение там подобно трепещущему на свежем ветру мокрому парусу, постепенно высыхающему и становящемуся ослепительно белым. Не знаю, хорошо это или плохо, но мне именно это и нужно.

Вопросов накопилось изрядно, они прыгали и махали руками, будто школьники, пытающиеся привлечь внимание учителя. Вдалеке раздался гул мотора – одноцилиндровый, значит, судно рыболовецкое. Мачтовый огонь двигался с юга от Троицына рифа. Я отвлекся на красные и зеленые огни, уверенно идущие по проливу: так могло лавировать лишь местное судно. На мелководье оно бросило якорь, двое рыбаков сели в ялик и погребли к берегу. На песок набегали малые волны, потревоженные чайки не спеша вернулись на плавающий причал.

Вопрос первый. Мэри, моя ненаглядная, спит с улыбкой на губах. Надеюсь, она не проснулась и не ищет меня. А если проснулась, то скажет ли? Сомневаюсь. Хотя и кажется, будто она говорит все, при этом она не говорит ничего. Как насчет предсказания? Хочет ли она богатства для себя или печется обо мне? Ясное дело, предсказание – фальшивка, сочиненная Марджи Янг-Хант по неизвестной мне причине, но это не важно. Фальшивое предсказание работает не хуже настоящего, тем более что все предсказания – ложь. Любой здравомыслящий человек способен заработать, если приложит усилия. По большей части он идет на это ради

денег, барахла или признания – и благодаря им же отклоняется от выбранного курса. Великие финансовые воротилы вроде Моргана или Рокфеллера не отвлекаются ни на что. Они хотели заработать денег – и зарабатывали. Что они делали с ними дальше – другое дело. Я всегда подозревал, что они убоялись вызванного ими фантома и пытались от него откупиться.

Вопрос второй. Под богатством Мэри подразумевает новые шторы в гостиную, образование для детей и возможность ходить с гордо поднятой головой, ведь, положив руку на сердце, сейчас она меня немного стыдится. Признание вырвалось у нее в сердцах, и значит, это правда.

Вопрос третий. Хочу ли я разбогатеть? Честно говоря – нет. Отчасти работа продавца мне ненавистна. В армии я дослужился до офицерского звания, но прекрасно понимаю, что обязан этому громкому имени и семейным связям. Чин мне дали не за красивые глаза, я действительно был хорошим офицером. Однако у меня не было желания командовать, подчинять других своей воле и заставлять ходить по струнке, иначе я остался бы в армии и мог бы уже дослужиться до чина полковника. Командовать я не любил, поэтому решил покончить со службой. Говорят, хороший солдат выигрывает битву, а не войну. В войне выигрывают те, кто в ней не участвует, то есть штатские.

Вопрос четвертый. Марулло раскрыл мне правду о бизнесе, то есть о процессе получения денег. То же самое говорили Джои Морфи, Бейкер и залетный торговый агент. Причем говорили прямо. Так почему же мне так противно, будто они подсунули мне тухлое яйцо? Неужели я такой хороший и правильный? Вряд ли. Подает голос гордыня? Похоже на то. Или я слишком ленив, чтобы утруждать себя? Много во мне пассивной доброты, которая есть не что иное, как лень, нежелание напрягаться и усложнять себе жизнь.

Наступление рассвета чувствуется еще глубокой ночью. По-особому пахнет воздух, иначе дует ветер, на востоке загорается звезда или планета. Жаль, не знаю, как она называется. Перед зарей ветер свежеет или крепчает. Значит, скоро мне возвращаться. Припозднившейся звезде недолго осталось светить. Как там говорят: звезды склоняют, но не принуждают? Слышал я, что немало крупных финансистов при покупке ценных бумаг обращаются за советом к астрологам. Склоняют ли звезды играть на повышение? Находится ли под влиянием звезд Американская телефонно-телеграфная компания? В моем предсказании прекрасные и далекие звезды не фигурировали. Лишь потрепанная колода карт Таро в руках праздной, блудливой женщины, которая ими и манипулировала. Или карты тоже склоняют, но не принуждают? Что ж, именно они склонили меня отправиться на Место посреди ночи и раздумывать над противным для меня вопросом куда дольше, чем он того заслуживает. Склонился-то я как миленький. Разве склонят они человека разжиться деловой жилкой, которой у него отродясь не было? Можно ли меня склонить к тому, чего я не хочу? Либо съедят тебя, либо съешь ты. С этой истины и начнем. Что аморальнее – съесть или быть съеденным? В конце концов съедят всех, земля поглотит даже самых безжалостных и хитрых едоков.

На Устричном холме давно кукарекали петухи, которых я слушал, но не слышал. Жаль, не могу остаться здесь и встретить рассвет.

Я говорил, что у меня нет никаких ритуалов, связанных с Местом, однако это не совсем так. Иногда забавы ради я представляю Старую гавань в первозданном виде: причалы, склады, лес мачт, подлесок снаряжения и парусов. Среди них мои предки, моя кровь: младшие на палубе, взрослые на мачтах, самые старшие на мостике. И никакой тебе лживой рекламы в газетах и нагоняев из-за обрезанных с цветной капусты листьев. Тогда у человека было хоть какое-то достоинство и положение. И дышалось куда свободнее.

Так говорил мой дурак-отец. Старый шкипер вспоминал драки из-за долей прибыли, махинации с провизией, придирчивый осмотр каждой доски обшивки и кильсона, судебные тяжбы и убийства – думаете, из-за женщин, славы, приключений? Вовсе нет. Из-за денег. Редко какое партнерство длилось дольше одного плавания, а вражда вспыхивала и тянулась даже после того, как причины были давно позабыты.

Старик-шкипер не мог забыть одной утраты, точнее, не мог простить одного преступления. Он не раз вспоминал о ней, сидя или стоя на берегу Старой гавани. Мы проводили там большую часть времени, только он и я. Помню, как он указывал тростью из бивня нарвала на воду.

– Отсчитай третий выступ на Троицыном рифе, – велел отец. – Нашел? Соедини его с крайней точкой Портового мыса при полной воде. Видишь? Отложи по этой линии полкабельтова – там она и лежит, во всяком случае, ее киль.

– «Красавица Адэйр»?

– Она самая.

– Наш корабль.

– Наполовину наш. Был у меня компаньон... «Красавица» сгорела на якорной стоянке, до самой ватерлинии. В случайность пожара я никогда не верил.

– Думаете, ее подожгли, сэр?

– Да.

– Но... но вы ведь ее не поджигали!

– Я – нет.

– Тогда кто же?

– Не знаю.

– А зачем?

– Ради страховки.

– Тогда уже не важно, кто это сделал.

– Не важно.

– Тогда в чем же дело?

– Дело в человеке. Только в нем. Единственная сила – человек. От него все и зависит.

С капитаном Бейкером мой отец больше не разговаривал, однако переносить вражду на его сына-банкира не стал. Не в его духе это было – впрочем, как и поджог корабля.

Господи ты боже мой, мне действительно пора возвращаться! Я едва не перешел на бег, бездумно шагая по Главной улице. Было еще темно, лишь край моря посветлел и волны стали серо-стальными. Я обогнул Мемориал воинской славы и миновал почтамт. У входа, как всегда, стоял Дэнни Тейлор – руки в карманах, воротник рваного пальто поднят, козырек стрелковой кепки опущен. Замерзшее испитое лицо – сизого цвета.

– Ит! – встрепенулся он. – Извини, что докучаю... Извини. Мне бы немного для подогрева... Ты ведь знаешь, я прошу только в крайнем случае!

– Знаю, Дэнни. Точнее, откуда мне знать! Но я тебе верю. – Я дал ему долларовую банкноту. – Этого хватит?

Губы у него задрожали, как у ребенка, который вот-вот заплачет.

– Спасибо тебе, Ит! Да, это вырубит меня на весь день, и на вечер, может быть, хватит.

При мысли об этом он явно приободрился.

– Дэнни, не пора ли тебе завязать? Думаешь, я забыл? Ведь ты был мне братом, Дэнни. Ты и сейчас мне как брат. Я готов на что угодно, лишь бы тебе помочь!

Его изможденные щеки чуть потемнели. Он посмотрел на деньги в руке, подействовавшие на него как глоток «топлива». Затем поднял на меня абсолютно трезвый, тяжелый взгляд.

– Во-первых, никого, кроме меня, это не касается, черт побери! Во-вторых, у тебя самого ни гроша за душой. И ты слеп, как и я, только слепота твоя иная!

– Послушай, Дэнни...

– Чего ради? Пожалуй, я побогаче тебя буду. Есть у меня козырь на руках! Помнишь наш загородный домик?

– Тот, что сгорел? Где мы играли в подвальчике?

– Все-то ты помнишь. Так вот, он – мой.

– Дэнни, ты мог бы его продать и начать все сначала!

– Ни за что. Налоги съедают его год за годом, но большой луг Тейлоров все еще мой.

– Почему ты его не продашь?

– Потому что луг – это я, Дэнни Тейлор. Пока он у меня есть, ни один чертов святоша не вправе мне приказывать и ни один ублюдок не упечет меня в психушку ради моего же блага! Смекаешь?

– Послушай, Дэнни...

– Нечего мне слушать! Думаешь, за доллар можешь капать мне на мозги? Подавись!

– Оставь.

– И оставляю! Ты сам не знаешь, чего несешь. Ты никогда не был... пьяницей. Я же не учу тебя заворачивать грудинку? Иди-ка ты своей дорогой, а я постучу в окошко и разживусь «топливом». Помни – я побогаче тебя буду. И я не торгаш! – Он отвернулся и спрятал голову в угол у запертой двери, как ребенок, что закрывает глаза в полной уверенности: раз он не видит мир, значит, его и нет. Он стоял и ждал, пока я не ушел.

Коротышка Вилли, дремавший в патрульной машине напротив гостиницы, стряхнул сон и высунулся из окна «шевроле».

– С добрым утром, Итан, – сказал он. – Рано встал или еще не лег?

– И то, и другое.

– Нашел себе милашку?

– Конечно, Вилли, и еще какую!

– Только не говори, Ит, что закрутил с уличной девкой!

– Клянусь!

– Да ни в жисть не поверю! Небось рыбачить ходил. Как там твоя хозяйка?

– Спит.

– Во-во, дождусь смены и тоже посплю.

Я пошел дальше, не напомнив ему, что он и так спал только что.

Тихо поднявшись на заднее крыльцо, я вошел и включил на кухне свет. Записка чуть сместилась влево. Готов поклясться, что оставил ее в центре стола.

Я поставил вариться кофе и сел ждать, пока он закипит. Едва я начал клевать носом, как вошла Мэри. Со сна моя любимая похожа на маленькую девочку. Глядя на нее и не скажешь, что она мать двух здоровых пострелят. А кожа ее прелестно пахнет свежескошенной травой – самым уютным и благодатным из всех запахов.

– Зачем встал так рано?

– Могу спросить тебя о том же. Прошу, учти, что почти всю ночь я не спал. Погляди на галоши у двери. Потрогай, какие они мокрые.

– Где был?

– На берегу моря есть маленькая пещера, моя взъерошенная уточка. Я заполз в нее и изучал ночь.

– Чего-чего?

– И увидел, как из моря поднялась звездочка, а поскольку она была ничейная, то решил взять себе. Приручил ее и вернул обратно – пусть жирку нагуляет.

– Опять дурачишься! Думаю, ты встал только что, вот я и проснулась.

– Не веришь – спроси Коротышку Вилли. Я с ним разговаривал. Спроси Дэнни Тейлора. Я дал ему доллар.

– Зря. Он опять напьется.

– Знаю. Именно для этого он и взял доллар. Где бы нам уложить нашу звездочку спать, моя сладкая кочерыжка?

– Как чудно пахнет кофе! Рада, что ты опять дурачишься. Просто ужас, когда ты не в духе. Извини за предсказание. Не думай, что я с тобой несчастна!

– Ты ни при чем, так карты легли.

– Чего?

– Кроме шуток. Я придумал, как разбогатеть.

– Я никогда не знаю, о чем ты думаешь.

– В том-то и беда, когда говоришь правду. Можно я выпорю детей в честь грядущего воскресения? Кости обещаю не ломать!

– Я еще не умылась, – вспомнила она. – Кинулась смотреть, кто там грохочет на кухне.

Когда Мэри ушла в ванную, я спрятал записку в карман. Я так ничего и не понял. Знаем ли мы, что скрывается за внешней оболочкой? Какая же ты внутри? Мэри, ты меня слышишь? Кто ты есть на самом деле?

Глава 4

У той субботы была своя, особая динамика. Есть ли она у других дней? Этот день выпадал из череды будней. Я представил мрачный шепот тетушки Деборы: «Разумеется, ведь Иисус мертв. Сегодня единственный день из всех дней, когда Он мертв. И все мужчины и женщины тоже мертвы. Иисус в аду. Но завтра... Погоди до завтра, и ты кое-что поймешь».

Я ее плохо помню, как редко запоминаешь того, кто тебе слишком близок. Тетя читала мне Священное Писание, будто ежедневную газету; пожалуй, так она его и воспринимала – непрерывный поток извечно повторяющихся событий, не перестающих удивлять ее своей новизной. Каждую Пасху Иисус воскресал из мертвых, как впервые, хотя она этого, разумеется, ждала. Словно и не было тех двух тысяч лет и события Библии происходили здесь и сейчас. В какой-то мере ей удалось убедить в этом меня.

Никогда прежде я не испытывал ни малейшего желания открывать магазин. Пожалуй, мне было ненавистно каждое муторное утро в лавке. Однако сегодня мне вдруг захотелось поскорее отправиться на работу. Я люблю мою Мэри всем сердцем, отчасти даже сильнее, чем себя самого, но при этом не всегда слушаю ее внимательно. Когда она излагает хронику покупок, походов к врачу и бесед, которые ее порадовали или вооружили новыми знаниями, я не слышу ее вообще, поэтому порой она восклицает: «Ты должен об этом знать! Я же тебе говорила! Точно помню, говорила в четверг утром». Очень может быть, что говорила. Даже наверняка. Есть темы, в пределах которых она выкладывает мне абсолютно все.

Сегодня утром я не просто не хотел ее слушать, я хотел удрать. Наверное, мне хотелось говорить самому, а сказать было нечего, потому что Мэри, в свою очередь, вовсе не меня слушает, иногда даже не слышит. Она улавливает высоту тона и интонацию, по ним же и судит о моем здоровье и настроении, определяет, устал ли я или мне весело. Кстати сказать, весьма неплохой способ. Теперь я понимаю, что она не слушает меня потому, что обращаюсь я не к ней, а к некоему тайному собеседнику внутри себя. То же самое и с Мэри. Разумеется, если дело касается детей или других каких катастроф, то все меняется.

Я не раз задумывался о том, как меняется манера излагать свои мысли в зависимости от собеседника. По большей части я обращаюсь к давно умершим людям вроде моего Плимутского камня – тетушки Деборы – или к Старому Шкиперу. Иногда я с ними спорю. Как-то раз в конце изнурительной и нудной борьбы с самим собой я воскликнул: «Неужели мне обязательно это делать?», а он отчеканил: «Знамо дело! И не бубни себе под нос». Он никогда не спорил. Только говорил, что мне делать, и я делал. Никакой мистики в этом нет. Я обращаюсь за советом или оправданием к той части моего «я», которая отличается зрелостью и уверенностью.

Если же мне просто нужно высказаться, то есть озвучить свои мысли, то для этого как нельзя лучше подходят молчаливые, выстроенные ровными рядами консервные банки и бутылки на полках. Как, впрочем, любое попавшееся на дороге животное или птица. Они не спорят и никому ничего не расскажут.

– Уже уходишь? – спросила Мэри. – У тебя еще полчаса в запасе. Вот что значит вставать рано.

– Нужно распаковать кучу коробок, расставить продукты по полкам, – ответил я. – Перед открытием придется принять пару судьбоносных решений. Можно ли разместить маринованные огурчики рядом с помидорами? Не поспорятся ли консервированные абрикосы с персиками? Ты ведь знаешь, как важно сочетание цветов в одежде.

– Над всем-то ты шутишь, – отмахнулась Мэри. – И все же я рада! Лучше шутить, чем брюзжать. Многие мужчины только и делают, что брюзжат.

Я вышел слишком рано. Рыжий Бейкер еще не отправился на прогулку. По этому псу можно часы проверять, впрочем, как и по любой другой собаке. Обход территории он совер-

шит ровно через полчаса. Джои Морфи тоже не видать. Сегодня банк закрыт для посетителей, но это вовсе не значит, что Джои не просидит весь день за книгами. В городе очень тихо, многие уехали на пасхальный уик-энд. Люди всегда уезжают, пусть и не особо того хотят. Такое чувство, что даже воробы с Вязовой улицы отправились восвояси.

По пути мне встретился Твердокаменный Джексон Смит – выходил из кофейной при ресторане «Формачтер». Он такой тощий и subtilный, что револьвер и наручники кажутся больше обычного размера. Форменную фуражку он лихо сдвигает набок и ковыряется в зубах отточенным гусиным перышком.

– Спешу к прилавку, Стоуни. Торговля так и кипит.

– Да неужто? В городе ни души, – заметил он, будто сожалея, что сам не уехал.

– Убийства или иные чернушные казусы были, Стоуни?

– Тишь да гладь. Несколько ребят врубилась на тачке в ограждение на мосту. Машина их собственная, судья заставит оплатить починку моста, и всех делов. Слыхали про ограбление банка в Фладхэмптоне?

– Нет.

– Новости по телику не смотрели?

– Нет у нас пока телевизора. Много взяли?

– Вроде тысяч тринадцать. Вчера, прямо перед закрытием. Грабителей было трое. В четырех штатах введен режим повышенной опасности. Вилли дежурит на автостраде, изнылся весь.

– Выспался он вчера отменно.

– Знаю, а я не спал. Всю ночь на ногах.

– Думаете, их поймают?

– Еще бы! Никуда они не денутся. Грабителей банков ловят только так. Страховая компания с нас живых не слезет. Страховщики никогда не сдаются.

– Надо как следует постараться, чтобы тебя не взяли.

– Да уж, это точно.

– Стоуни, присмотрели бы вы за Дэнни Тейлором. Вид у него совсем больной.

– Недолго ему осталось, – протянул Стоуни. – Досадно. Хороший парень из хорошей семьи...

– У меня прямо душа не на месте. Я его люблю.

– Увы, ничего не поделаешь. Похоже, будет дождь, Ит. Вилли ненавидит мокнуть.

Впервые на моей памяти я свернул в проулок с радостью и отпер заднюю дверь с нетерпением. Кот дежурил у входа – ждал меня. Ни одного утра не пропустил, не попытавшись проскользнуть внутрь, а я неизменно швырял в него палкой или топал ногами. Тощий и шустрый, и уши драные – явно пострадали в драках с другими котами. То ли эти зверюшки странные сами по себе, то ли просто кажутся странными людям, как обезьяны, к примеру. Этот котяра пытался прошмыгнуть внутрь раз шестьсот, если не восемьсот, и ему ни разу не удалось.

– Тебя ждет жестокий сюрприз, – сказал я коту. Он сидел, обвив себя хвостом, подрагивавшим между передними лапами. Я зашел в темный магазин, взял с полки коробку молока, распечатал и налил в чашку. Потом отнес ее на склад и поставил на пол. Кот мрачно посмотрел на меня, затем на молоко и удалился прочь, перемахнув через забор у заднего фасада банка.

Я смотрел ему вслед, и тут в проулок вошел Джои Морфи с ключом от задней двери банка в руках. Вид у него был потрепанный и усталый – будто не спал всю ночь.

– Здравьете, мистер Хоули.

– Я думал, что вы сегодня закрыты.

– По-моему, я никогда не закроюсь. Нашел ошибку в тридцать шесть долларов. Вчера работал до полуночи.

– Недостача?

– Нет, переизбыток.

– Разве это плохо?
– Увы. Найти нужно обязательно.
– Неужели банки настолько честны?
– Разумеется. В отличие от людей. Если я хочу отдохнуть, то должен поскорее все выяснить.

– Жаль, что я так мало понимаю в банковском деле.
– Все, что знаю я, уместится в одной фразе. Деньги делают деньги.
– Для меня в этом толку немного.
– Для меня тоже. Но совет дать могу.
– И какой же?
– Вот такой: никогда не принимайте первое предложение, и если кто-то что-то продает, то у него есть на то веская причина и вещь ценна лишь для того, кому она нужна.

– Ускоренный курс?
– Ну да, вот только без первой истины он ничего не значит.
– Деньги делают деньги?
– И это многих из нас из игры исключает.
– Разве нельзя одолжить денег?
– Можно, только для этого нужны активы, а это тоже деньги в каком-то смысле.
– Похоже, мне лучше оставаться продавцом.
– И то верно. Слушали про флэдхэмптонский банк?
– Стоуни рассказывал. Забавно, ведь мы только вчера говорили об ограблениях, помните?

– Там работает мой приятель. Грабителей было трое, один говорил с акцентом, один хромой. Трое! Разумеется, их поймают. Через недельку-другую.

– Сурово!
– Вряд ли. Умом парни не блещут. Для таких и существует закон.
– Простите за вчерашнее.
– Забудьте! Болтаю слишком много. Еще одно правило – не болтай! Никак не усвою. А вид у вас сегодня бодрый!

– Странно. Я почти не спал.
– Заболел кто?
– Нет. Просто бывают такие ночи...
– Мне ли не знать.

Я подмел магазин и поднял шторы, сам того не замечая и не испытывая к работе ни малейшей ненависти. В голове крутились наставления Джои. И я, конечно же, обсудил их с моими друзьями на полках, возможно, даже вслух. Не знаю.

– Досточтимые коллеги, – начал я, – если все так просто, почему мало кто преуспевает? Почему все совершают одни и те же ошибки, снова и снова? Или кое о чем мы все-таки забываем? Не исключено, что слабость в классическом значении есть разновидность человеколюбия. Как сказал Марулло, у денег нет сердца. Не выходит ли тогда, что, имея дело с деньгами, человек не может позволить себе такую слабость? Как заставить обычного славного парня убивать на войне? Ладно если враг выглядит иначе, чем ты, или говорит на другом языке. А как насчет гражданской войны? Ах да, янки пожирали младенцев, южане морили пленных голодом. Тогда ладно. Погодите, консервированные шампиньоны и свекла ломтиками, через минутку я весь ваш. Знаю, вы хотите, чтобы я говорил только о вас. Все хотят. Однако я лишь ступил на порог, точнее, вышел на исходную позицию. Если законы мышления и законы, регламентирующие право собственности, суть одно и то же, то относительно и мораль, образ действия и грех – в относительной вселенной все относительно! Иначе никак. И никуда от этого не денешься. Вот она, исходная позиция.

Вы, хлопья с маской Микки Мауса на коробке и хитроумной штукой для чревоутоления, которую можно получить по почте, пошлав вырезанную этикетку и десять центов! Вас мне придется взять домой, а пока стойте и помалкивайте. То, что я сказал моей Мэри в форме шутки, – истинная правда. Мои предки, в высшей степени уважаемые судовладельцы и капитаны, с ведома правительства действительно занимались захватом судов во время Первой американской революции и в тысяча восемьсот двенадцатом году. Весьма патриотично и похвально. Однако англичане считали их пиратами и реквизированную собственность врага предки брали себе. Вот откуда взялось семейное благосостояние, которое мой отец пустил по ветру. Выражение «деньги делают деньги» тоже оттуда. Нам есть чем гордиться.

Я занес со склада ящик с томатной пастой и забил опустевшую полку очаровательно стройными баночками.

– Вероятно, вы не знаете, потому что в каком-то смысле вы иностранцы. У денег нет не только сердца, у них нет ни чести, ни памяти. Через некоторое время деньги по умолчанию становятся достойными уважения. Не подумайте, что я хую деньги. Напротив, я ими восхищаюсь. Джентльмены, позвольте представить вновь прибывших в нашу общину! Так, посмотрим. Поставлю-ка я их рядом с вами, бутылочки с кетчупом. Вот юные маринованные огурчики, прошу любить и жаловать! Уроженцы Нью-Йорка, там же сорваны и упакованы по банкам. Я тут обсуждал с моими друзьями тему денег. Одно из наших наиболее уважаемых семейств – да вы их точно знаете! Они известны во всем мире. Так вот, состояние они сколотили на поставках говядины британцам, когда наша страна с британцами воевала, и их деньги уважают не меньше, чем само почтенное семейство. Или взять другую династию – пожалуй, самых великих финансистов из всех. Основатель купил у военных три сотни винтовок. Те сочли их бракованными и опасными для солдат, и он приобрел их очень дешево, центов по пятьдесят за ствол. Довольно скоро генерал Фримонт решил предпринять героический поход на Запад и закупил винтовки не глядя, по двадцать долларов за ствол. Никто не знает, взрывались они в руках солдат или нет... Это все к тому, что деньги делают деньги. Неважно, как ты разбогател, важно, что деньги у тебя есть и ты продолжаешь богатеть. И вовсе это не цинизм. Наш господин и повелитель, Марулло из древнего римского рода, абсолютно прав. Если дело касается денег, обычные правила поведения отдыхают. Почему я разговариваю с продуктами? Вероятно, потому, что вы умеете молчать. Слова мои не повторяете, сплетни не разносите. Обсуждать тему денег как пошлую и отвратную не станут лишь те, у кого они есть. А вот бедняки находят ее очень даже достойной и привлекательной. Согласитесь, если человек питает живой интерес к деньгам, то обязан изучить их природу, типичные черты и свойства! Боюсь, совсем немногие, в основном великие финансисты или скряги, интересуются деньгами как таковыми. Скряг, которые копят из страха нищеты, можно вообще сбросить со счетов.

На полу выросла гора пустых коробок. Я отнес их на склад, чтобы сложить и припрятать. Многие покупатели берут их для покупок, и, как говорил Марулло: «Экономия пакетов, малыш».

Снова «малыш»! Теперь я не возражаю. Я даже хочу, чтобы он звал меня малышом, пусть так обо мне и думает. Пока я складывал коробки, в дверь забарабанили. Я взглянул на старый серебряный хронометр. Удивительное дело – впервые в жизни я не открыл магазин ровно в девять! Минута четверть десятого. За прениями с консервами я напрочь забыл о своих прямых обязанностях. Из-за стекла и защитной решетки внутрь заглядывала Марджи Янг-Хант. Я никогда на нее не смотрел, точнее, особо не засматривался. Вероятно, поэтому она устроила мне то предсказание – хотела удостовериться, что я знаю о ее существовании. Надо вести себя как ни в чем не бывало.

Я распахнул двери.

– Извини, если отрываю от дела.

– Я сам задержался.

– Разве?

– Конечно. Уже десятый час.

Она вошла неторопливой походкой. Ее пятая точка заманчиво оттопыривалась и подпрыгивала на каждом шагу. Впереди покачивался шикарный бюст, акцент на нем можно и не делать. Как говорится, все при ней. Таких, как Марджи, старина Джои называет «лакомый кусочек», да и мой сын Аллен наверняка тоже. Пожалуй, я впервые увидел ее по-настоящему. Черты лица правильные, нос чуть длинноват, губы обведены так, что кажутся больше, особенно нижняя. Волосы насыщенного каштанового цвета, какого в природе не бывает, но ей идет. Подбородок слабый и выступающий вперед, зато щеки округлые и скулы широкие. Глаза у Марджи тщательно накрашены. Серо-голубые, в зависимости от освещения меняют цвет. Лицо много вынесшее и не павшее духом ни от ударов судьбы, ни от мужских кулаков. Марджи стрельнула глазками по мне, потом по полкам с продуктами, потом опять посмотрела на меня. Похоже, она весьма наблюдательна, да и память у нее отличная.

– Надеюсь, у тебя нет той же проблемы, что и вчера.

Она рассмеялась:

– Нет-нет. Я не каждый день привечаю заезжих торговых агентов. Сегодня у меня действительно кончился кофе.

– Не ты одна такая.

– Ты о чем?

– Первые утренние покупатели всегда приходят за кофе.

– Неужели?

– Конечно. Послушай, я благодарен, что ты отправила ко мне своего приятеля.

– Идея была его.

– Но прислала его ты. Какой кофе возьмешь?

– Все равно. Какую бы марку ни взяла, кофе я варю паршивый.

– Нужно количество отмеряешь?

– Конечно, да толку ноль. Видно, у меня руки не из того места... ой, чуть не сказала!

– Я тебя понял. Попробуй-ка этот купаж. – Я достал банку с полки, Марджи потянулась ко мне – просто шаг навстречу, – и каждая часть ее тела пришла в движение, негласно заявляя о себе. Я здесь, протянула ногу. И я, выпятилось бедро. Ничуть не лучше меня, пропел нежный животик. Я знакомился с ее телом, глядя на него, как впервые. Дыхание перехватило. Мэри считает, что женщина посылает в пространство сигналы, которые может включать и выключать по своему желанию. Если так, то система связи Марджи охватывает все ее тело – от острого носика лаковой туфельки до кончиков каштановых локонов.

– Вижу, твоя хандра прошла.

– Вчера на меня и правда накатило. Понятия не имею, откуда что взялось.

– Как я тебя понимаю! У меня тоже бывает ни с того ни с сего.

– Наделала ты дел своим гаданием.

– Ты из-за него разозлился?

– Нет. Просто интересно, как ты это провернула.

– Ведь ты не веришь в гадания!

– Неважно. Кое в чем ты попала не в бровь, а в глаз. Озвучила мои мысли и намерения.

– Какие именно?

– Пора меняться.

– Думаешь, я подтасовала карты?

– Какая разница. Даже если так, то что тебя заставило? Об этом ты не думала?

Она настороженно посмотрела мне прямо в глаза.

– Да-а, – тихо проговорила Марджи. – То есть нет, никогда об этом не думала. Если я подтасовала карты, то что меня заставило?.. Чувствую себя обманутым обманщиком.

В дверь заглянул Бейкер.

– Доброго утра, Марджи, – поздоровался он. – Итан, ты подумал над моим предложением?

– Еще бы. И хочу с вами кое-что обсудить.

– В любое время, Итан!

– В течение рабочей недели выбраться не смогу. Сами понимаете, Марулло тут редко бывает. Завтра будете дома?

– Конечно, после церковной службы. А это идея! Приходите с Мэри часикам к четверем. Пока дамы будут обсуждать пасхальные шляпки, мы ускользнем и...

– У меня к вам сотня вопросов! Думаю, лучше все записать.

– Помогу, чем могу. До встречи. Еще раз доброго утра, Марджи!

Едва банкир удалился, Марджи заметила:

– Времени даром не теряешь.

– Так, разминаюсь. Скажи-ка мне вот что: если ты будешь делать расклад с завязанными глазами и мы сравним его со вчерашним?..

– Ну, нет! – воскликнула она. – Ничего не выйдет. Ты шутишь или правда готов рискнуть?

– По-моему, неважно, верю я или нет. Я не верю ни в телепатию, ни в молнию, ни в водородную бомбу, ни в фиалки, ни в косяки рыб, но знаю, что они существуют. Я не верю в призраков, хотя их и видел.

– Вот теперь ты шутишь!

– Вовсе нет.

– Ты на себя не похож.

– Ну да. Люди меняются.

– Что тому причиной, Ит?

– Не знаю. Может, мне надоело быть продавцом.

– Давно пора.

– Тебе действительно нравится Мэри?

– Конечно! Почему ты спрашиваешь?

– Просто вы с ней такие разные... точнее, ты совсем на нее не похожа.

– Понимаю. Но она мне очень нравится. Я ее люблю!

– Я тоже.

– Везет же некоторым!

– Да, я везунчик.

– Я не про тебя. Ладно, пойду варить свой паршивый кофе. Насчет гадания подумаю.

– Чем скорее – тем лучше, а то остыну.

Каблучки зацокали прочь, упругие бедра плавно покачивались в такт ходьбе. До этого дня я словно никогда ее не видел. Страшно подумать, сколь многих в своей жизни я не видел. Когда двое встречаются, под влиянием друг друга преображаются оба, и получаются совсем другие люди. Вероятно, дело в том... черт, как все закручено! Я решил подумать об этом ночью, когда не смогу уснуть. При мысли о том, что сегодня я не открыл магазин вовремя, я испугался. Это все равно что обронить на месте преступления носовой платок или очки, как убийца в том громком чикагском деле. Что это на меня нашло? Какое преступление? Какое убийство?

В полдень я сделал четыре сэндвича с сыром и ветчиной, с салатом и майонезом. Сыр и салат, сыр и салат. Когда мужчина женится, становится крылат. Два сэндвича и бутылочку колы я отнес к задней двери банка и вручил старине Джою.

– Нашлась ошибка?

– Еще нет. Подобрался к ней так близко, что чуть не ослеп.

– Почему бы не отложить до понедельника?

– Никак нельзя. В банках так не принято.

– Порой стоит немного отвлечься, и решение приходит само.

– Знаю. Спасибо за сэндвичи. – Он заглянул в каждый, желая убедиться, что я не забыл про салат и майонез.

В субботу после полудня, накануне Пасхи, торговля такая, что курам на смех. Так выразился бы мой августейший сын-неуч. Однако произошло два события, которые наглядно показали, что во мне происходят некие глубинные изменения. Вчера или позавчера я действовал бы совсем иначе. Словно выбираешь обои и вдруг попадается рулон с совершенно новым рисунком.

Сперва пришел Марулло. Артрит его замучил совсем. Он постоянно стигал и разгибал руки, будто тяжелоатлет перед выпадом.

– Как торговля?

– Идет понемногу, Альфио. – Никогда прежде не называл его по имени.

– В городе пусто...

– Жаль, что ты больше не зовешь меня малышом.

– Думал, тебе не нравится.

– Теперь нравится, Альфио.

– Все разъехались. – Наверное, плечи у него жгло, будто суставы обсыпали раскаленным песком.

– Как давно ты приехал с Сицилии?

– Сорок семь лет назад. Очень давно.

– Выезжал туда?

– Нет.

– Почему бы не съездить погостить?

– Зачем? Все стало другим.

– Неужели не интересно, что там и как?

– Не очень.

– Родственники живы?

– Конечно, брат с семьей, у него уже и внуки пошли.

– Неужели не хочется их повидать?

Он посмотрел на меня так, как я сам разглядывал Марджи – словно увидел впервые.

– Что у тебя на уме, малыш?

– Не могу видеть, как ты мучаешься артритом. Подумал, что на Сицилии сейчас тепло. Может, боль уйдет.

Он поглядел на меня настороженно.

– Что с тобой?

– В каком смысле?

– Ты изменился.

– А! Есть пара хороших новостей.

– Работу не бросишь?

– Пока вряд ли. Если захочешь съездить в Италию, то я пригляжу за магазином до твоего возвращения.

– Что за новости?

– Пока не скажу. Все неопределенно... – Я поводил ладонью взад-вперед.

– Деньги?

– Вероятно. Послушай, ведь ты богат. Почему бы не поехать на Сицилию и не показать всем, каковы американские богачи? Погрейся на солнышке. С магазином я справлюсь, сам знаешь.

– Ты не прекратишь на меня работать?

– Нет, черт возьми! Ты знаешь меня достаточно, чтобы понимать – я тебя не предаю.

– А ты изменился, малыш. Почему вдруг?

– Я же говорю – есть новости. Поезжай понаблюдать бамбини.

– Там я чужой, – задумчиво протянул Марулло, хотя заронить некое зернышко мне удалось.

Еще я знал, что ночью он примчится проверять книги – этот сукин сын не верит никому.

Не успел он выйти за порог, и тут же нарисовался агент «Би-Би-Ди-энд-Ди», совсем как вчера.

– Я не по делу. На выходные собираюсь в Монток, решил заскочить по дороге.

– Отлично, – сказал я, протягивая ему бумажник с торчащей из него двадцаткой. – Как раз хотел вам вернуть.

– Черт, напрасно вы так. Я же сказал, что пришел не по делу.

– Заберите.

– К чему вы клоните?

– Там, откуда я родом, так скрепляют договор.

– Вы что – обиделись?

– Вовсе нет.

– Тогда в чем дело?

– Забирайте, по ценам мы пока не сговорились.

– Господи Иисусе! «Вэйландс» предложил вам больше?

– Нет.

– Тогда кто? Чертовы дискаунтеры?

Я сунул двадцатку ему в нагрудный карман позади аккуратно сложенного носового платка.

– Бумажник оставляю, – сказал я. – Он мне понравился.

– Послушайте, мне надо согласовать все с руководством! Подождите, скажем, до вторника. Я вам позвоню, назовусь Хью.

– Как угодно, звонок-то за ваш счет.

– Дождитесь звонка, ладно?

– Дождусь, – пообещал я. – Порыбачить собрались?

– Нет, я только охочусь, и то лишь на цыпочек. Попытался зацепить тот лакомый кусочек – Марджи. Да не вышло. Чуть голову мне не откусила! Никогда их не поймешь.

– Они всё страньше и страньше¹¹.

– Вот уж взаправду, – согласился он. Я лет пятнадцать не слышал этого выражения. Вид у него стал озабоченный. – Ничего не предпринимайте, пока не позвоню! Господи, я-то думал, что развожу деревенского парня...

– Не собираюсь предавать хозяина за бесценок.

– Очуметь! Вот вы и подняли ставку.

– Я просто отказался от взятки, если уж говорить начистоту.

Похоже, я действительно изменился. Парень меня зауважал, и это мне понравилось. Да что там, я был счастлив! Шельмец решил, что я такой же, как он, только половчее.

Незадолго до закрытия позвонила Мэри.

– Итан, – начала она, – обещай не злиться...

– На что, мой цветик?

– Ну, она такая одинокая, и я подумала... В общем, я пригласила Марджи на ужин.

– Почему бы и нет?

¹¹ Цитата из «Алисы в стране чудес» (1865) Льюиса Кэрролла. Глава 2. «Всё страньше и страньше! – вскричала Алиса. От изумления она совсем забыла, как нужно говорить». Перевод Н. Демуровой.

- Ты не сердишься?!
- Нет, черт возьми!
- Не сквернословь. Завтра же Пасха!
- Кстати, завтра к четырем мы идем к Бейкерам. Так что наведи красоту!
- Мы пойдем к ним домой?
- Да, на чай.
- Придется надеть платье, в котором я хотела идти на пасхальную службу.
- Здоровски здорово, моя сладкая кочерыжка!
- Ты не сердишься из-за Марджи?
- Люблю тебя! – заверил я.

Нет, ну правда. Кроме шуток. А в голове пронеслось: какими же сволочами мы, мужики, иногда бываем.

Глава 5

Я прошел по Вязовой улице, свернул на дорожку, усыпанную гравием, и остановился перед старинным домом. Он выглядел иначе. Я почувствовал, что он мой. Ни Мэри, ни отца, ни Старого Шкипера – только мой. Хоть продай, хоть сожги, хоть оставь как есть.

Не успел я подняться на пару ступеней, как дверь с проволочной сеткой распахнулась и наружу с воплями вылетел Аллен.

– Где «Пикс»? Ты принес мне «Пикс»?

– Нет, – ответил я. И – о чудо из чудес! – он не стал возмущаться и стенать. И к матери не побежал, призывая ее в свидетели и канюча, что я обещал принести ему хлопья.

Он вздохнул и тихо ушел.

– Доброго вечера, – сказал я вслед его удаляющейся спине.

Он остановился.

– Доброго вечера, – повторил Аллен, будто это была фраза на иностранном языке, которую он только что узнал.

В кухню вошла Мэри.

– Ты постригся, – отметила она. Любую мою странность она списывает на лихорадку либо на стрижку.

– Нет, моя завитушка, я не стригся.

– Я тут вертелась как белочка в колесе, чтобы все подготовить.

– Зачем?

– Я же говорила, на ужин придет Марджи.

– Помню, но зачем так суетиться?

– К нам в гости сто лет никто не приходил!

– Твоя правда. Вот уж правда так правда.

– Надеюсь, ты наденешь черный костюм?

– Нет, пусть будет Конь Сив – скромный серый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.